
Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Легендарные характеры

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0036
III.....	.0082
IV.....	.0119
V.....	.0136

Николай Лесков

Легендарные характеры

Опыт систематического обозрения[1]

«Народ непременно должен иметь ясное понятие о литературных памятниках и источниках, которые влияли на образование его идей и представлений».

Чт. в Общ. люб. древн. российских

Тридцать лет назад, когда у нас много писали о женском вопросе, не раз было упоминаемо, будто в России репутации женщин был нанесен большой вред житийными сказаниями, которым верили наши предки. Там будто женщины постоянно выставляются соблазнительницами, стремившимися удалить мужчин от возвышенных задач жизни и погрузить их в жизнь чувственную и безрассудную. Некоторыми, более горячими, чем основательными друзьями женского вопроса было выхвачено несколько примеров в этом роде, и те примеры, принятые без критики, до сей поры остаются в непререкаемом значении убедительных фактов. Между тем, на самом деле, *это есть ложь*, и в этом может убедиться всякий, кто пожелает познакомиться с женскими типами Пролога.

Это здесь и предлагается.

Разбирая Пролог, как повествовательный источник, я нашел в нем ровно *сто* тем или «прилогов», которые дают более или менее пригодный материал для воспроизведения в

повествовательном или пластическом искусстве, а из этих ста историй – в тридцати пяти участвуют женщины.

Год по Прологу начинался с 1 сентября, в первое соблазнительное дело описано под 5-м числом сентября.

1) «По диаволу злохитрству, впаде в блуд некий епископ». Об этом никто не знал в его пастве, но епископ был человек искренний и сам не мог снести своего греха; он пришел в церковь, снял с себя омофор и, став предо всеми на колени, начал каяться, «глаголя: отселе не могу быть вам епископ».

Словом, – он принес публичное покаяние в блудном грехе, после чего его надо было «извергнуть»; но как этот епископ был человек очень добрый и люди его любили, то им стало жаль потерять его, и потому «возопиша вси люди с плачем: грех твой на нас буди».

Епископ отговаривался, но народ настаивал, на своем. Тогда растроганный епископ, заливаясь слезами, потребовал себе от людей наказания, а те на это согласились, лишь бы он у них остался. Но вот епископ лег на пол у дверного порога и просил, чтобы каждый ми-

рянин, выходя из церкви, толкнул его презрительно ногой. Люди его послушались и стали его толкать, и когда последний человек, выходя из церкви, наступил на согрешившего архиерея, тогда только епископ встал, поклонился вышедшим чрез двери людям и остался служить у них епископом, и люди не чувствовали в этом смущения, ибо все были уверены, что грех его прощен ради его искренности и смирения. «Зане запну его ногой своею» и та, которая была его соучастницей в грехе.

2) *Сентября 15*. Одного молодого пустычника страшно мучили любовные мечтания. Он пошел к старцу Пахому и просил у него совета: как ему от этого избавиться. «Он же (то есть старец) рече: не дивися делу сему: аз бо многажды обретахся в сицевых. Се бо видяши мя человека уже стара суца и дряхла, яко уже чотыредесять лет сижу в хижине и токмо и пекуся о едином своем спасении, и уже тольми ветх сый, а и до днешнего дне еще не свободен».

3) *Октября 29*. Старец Авраамий «сочетался с женой», но потом, когда вник в семейную жизнь, то она ему не понравилась – он на-

шел, что домо́м жить очень хлопотно и беспокойно, и вообще это гораздо труднее отшельничества, к которому он уже привык. Тогда Авраамий опять оставил жену и, «отшед, затворился в мале хлевине». Теперь ему не о ком было заботиться; но когда Авраамий просидел в затворе девять лет, умер его брат и оставил семилетнюю дочку. Волей-неволей Авраамию пришлось взять племянницу на свое попечение. Авраамий вышел из «хлевины», сделал тут же рядом другую такую же «хлевинку» и заму́ровал туда дитя. Девочка прожила заму́рованная в затворе на глазах у дяди тринадцать лет и никаких дурных примеров не видала, но когда пошел ей двадцатый год, «она завистию бесовскою впала в падение». Неизвестно, как она, заму́рованная, чрез оконце «познакомилась с блудницами», выкарабкалась из затвора и ушла с этими своими знакомками в такую «гостиницу», где собирались в досужное время военные люди. Военные же люди в той стране так любили женское общество, что везде подманивали к себе девиц, а обратно получить от них девушку было уже очень трудно. Они отпускали

женщину разве только тогда, когда она им надокучит и они сами ее прогонят. Старец их усовещевал и кричал на них и угрожал им из своего затвора, но военные смеялись, и его молоденькой затворницы ему не отдали, а увели ее и не возвращали. Зная это, старец Авраамий обратился к хитрости, которою и достиг желанного успеха. В один день он сам вышел из своего затвора, достал себе верхового коня, добыл воинские доспехи, «во образ воинский оболкся» и поехал верхом в ту же самую гостиницу, где веселились с женщинами военные, к которым ушла из затвора его племянница. Переодетый воином, затворник держал себя в гостинице так искусно, что никто его не узнал, и даже не заподозрил, что это затворник, а все сочли его за настоящего военного. Даже и племянница его не узнала, а он, увидя это, сам притворился разбитным гулякой и стал звать не узнающую его девушку, чтобы она шла с ним отсюда препроводить дальнейшее время, за что Авраамий обещал ей дать по обычаю «дар». Молодая девушка, еще недавно только пустившаяся в гулевую жизнь, ничего хитростного не подозревала и

ушла с Авраамием из гостиницы, в полном убеждении, что ей сопутствует настоящий воин. А когда они остались вдвоем, тогда Авраамий ей себя обнаружил и укорил ее и уж на свободу не выпустил, а посадил опять «в малу хлевину», где она, после долгих стенаний и плача, «покаялась, а послежди, чудеса творяше, скоро почила».

4) *Октября 29.* Была женщина Анна, которой хотелось спасти себя, живучи в мужских монастырях. Она назвала себя Ефимьяном и стала жить с монахами. Бороды у нее не росли, но это никого не соблазняло: монахи все думали, что Ефимьян – скопец, и нимало этим не смущались. Но один из монахов того монастыря на свое несчастье был «воображенник». Ему непременно хотелось дознаться: отчего у Ефимьяна не растет борода? К этому еще прибавилось и искушение: невдалеке от их монастыря жила женщина, которая знала тайну Ефимьяна и притом была болтлива; она сказала «воображеннику»:

– Это не скопец, а жена-бесстрастница?

(Сказавшая сама сейчас же и исчезла.)

А «воображеннику» с этой поры вступило

в голову во что бы то ни стало «подсмотреть Ефимьяна».

Он об этом и начал стараться, «тщасяся низринуть Ефимьяна» и «сотвори сие, но бысть божественною силой до полу-сух». Анна же «бежаше от соблазнения, имея с собой точию два монаха».

5) *Февраля 9*. Брат некий жил в ските, не видя и одной женщины, но враг «вложи ему в память некие жены прекрасны». Воспоминание о женской красоте ужасно беспокоило скитника. Один раз пришел к нему другой брат и начал рассказывать, что случилось в мире нового, и упомянул, что красавица, которая нравилась брату, умерла. Тогда этот несчастный, как дождался ночи, взял свой «лентий» и побежал к тому месту, где, по рассказу, похоронили красавицу. Тут он разрыл ее могилу, открыл гроб и «потре гной ее лентием и возвратися, имея при себе смрад той». И это его исцелило. Когда ему приходию на ум, как эта женщина была прекрасна, он доставал этот «смрад» и, «полагая его пред собой», говорил: «вот то, что от всякой красоты остается».

6) *Марта 18.* Данило Египтянин исцелял женщин от неплодства. Один молодой муж пришел к нему с просьбой, чтоб он посетил его дом и помолился над его женой, которая не рождает. Старец пошел по приглашению мужа, и с того случая молодая женщина «Богу изволившу зачать во чреве». Муж был очень рад и доволен, но соседи стали смеяться ему и говорить, будто все чудо в том заключается, что жена его естественно затяжелела от старца Данилы. Когда это дошло до Данилы, он позвал к себе смущенного молодого супруга и сказал ему: когда у тебя родится дитя, собери всех родственников на обед, и я тогда тоже приду к тебе, и все дело разъяснится. Молодой человек так и сделал, как сказал ему поможательный старец: на двадцатый день по разрешении беременности его жены он собрал к себе всех родных и знакомых. Пришел и Даниил, и когда все сели за стол, старец взял на руки новорожденное дитя и спросил его: «Кто твой отец?» Двадцатидневное дитя протянуло ручку и, указывая пальчиком на молодого супруга, проговорило: «вот кто».

7) *Марта 17.* Два брата жили в пустыне и,

сильно между собою подружившись, дали обет никогда не оставлять друг друга, не то-чию в жизни, но и по смерти.

Но вдруг один из них «нача ратоваться от беса». Бес навел на него такую неодолимую скуку, что обуеваемый «не возмог стерпеть» и сказал брату своему: «Отпусти меня в людное место; я не могу здесь терпеть – хочу жить, как все, и веселиться».

Благоразумный брат употребил все усилия уговорить несчастного, чтоб он возобладал над страстью и не губил стольких лет прожитой в чистоте жизни, но тот никак не мог совладать с собою и стоял на своем, что ему надо уйти веселиться.

– Но как же мне быть в таком случае? – спросил благоразумный брат: – Ведь вот ты помнишь, я дал обет никогда с тобою не расставаться!.. Как же мне быть теперь, когда ты стремишься к распутству, в которое я себя допустить не желаю?

– А уж мне до этого теперь никакой заботы нет, – отвечал страстью уязвленный брат. – Поступай, как знаешь, но я ни для чего остановиться не могу: я как сказал, так и пойду

искать утешительной жизни, а ты оставайся в пустыне, но впрочем, – добавил он, – если ты хочешь при мне быть, то пожалуй иди со мною в город и повеселимся вместе. А может быть мне там и недолго понравится, и я скоро почувствуюсь – тогда, может быть, я и возвращусь с тобою опять сюда же.

Благоразумный брат подумал: что за несчастье с человеком содеялось? Совсем омрачен он, и можно ли отпустить его одного в таком омрачении? Один он непременно попадет в компанию распутников, сродную нынешнему его одержимому настроению, и он к ним так прилепится, что погибнет невозвратно, а надо лучше не выпускать его из глаз и ждать в нем перемены от времени.

– Да, – рассудил благоразумный, – пусть лучше я сам приближусь к соблазну, но не оставлю человека совсем ослабевшего. Нет, не покину его, – пойду с ним и буду ждать, когда ум и чувства его опять придут в светлое состояние.

Встал благоразумный брат и пошел в город вместе с страстным братом.

Идти им было трудно, ибо путь был не

мал, а страстный «бежа скоро», и как пришел в город, – сейчас же «скочи в ограждение садовное», откуда неслися «плесканья и песни» и виделись женские лица и плечи. А благоразумный брат сел на пыльной дорожке пред этим «ограждением», набрал горстями земляной пыли, зарыдал и стал насыпать себе пыль на голову.

Люди, проходя, спрашивали его: о чем он плачет? А он им отвечал по правде: «Любимый брат мой, долго живший чистою жизнью, вошел вот туда, в садовное ограждение». Люди над ним смеялись, говорили: «Что же тебе? Иди и ты туда же и повеселись там вместе со всеми с нами». И сами туда же входили, а благоразумный брат все сидел в пыли и все плакал.

Так прошла целая ночь, а брат, «вскочивший в ограждение», все еще не выходил оттуда, пока на небе засветился новый день, и тогда вывалила из «ограждения» большая толпа мужчин и все шумели и ссорились, и в ихто беспорядочном обществе находился страстный брат, с бледным лицом, помятыми волосами и угасшим взором. И чуть только

страстный брат вышел, – благородный брат вскочил и бросился к нему с радостью и заговорил:

– Для чего ты так долго там оставался! на силу я тебя дождался! Хорошо, что ты наконец вышел: конечно, ты видишь теперь, как это гадко, и может тебя погубить. Пойдем скорее отсюда назад в нашу пустыню!

– Ах, отстань ты пожалуйста! – отвечал страстный брат. – Это совсем не так гадко, как ты воображаешь. Мне там, напротив, очень понравилось, и я ни за что теперь не пойду в пустыню, а ты, если хочешь, уходи. Я тебе не препятствую.

Как благородный брат ни уговаривал страстного – все оказалось безуспешно: страстному так понравилось в «ограждении садовнем», что он совсем пришел в исступление и уже не боялся ни суда божия, ни вечных мук, и ни за что не хотел возвращаться с благородным в пустыню. Он слушал благородного молча, а сам в себе только и помышлял о том, чтобы как-нибудь поскорее скоротать день, а потом опять попасть в ограждение, об удовольствиях которого он

чем больше думал, тем большую к ним чувствовал несытость.

Видя такое страшное исступление несчастного, благоразумный брат перестал его и уговаривать идти в пустыню, но опять стал вопрошать самого себя: можно ли ему оставить друга и брата в таком неистовстве? и, обдумав дело с разных сторон, благоразумный брат увидал, что тот без него тут и погибнет в беспутстве, и решил сам с ним оставаться, пока над тем пройдет это «обладание».

Но чтобы жить в городе и при том еще поселиться в «ограждении», надо было иметь деньги, а у пустынных братьев запасных денег не было, и вот они стали оба наниматься на работы. И оба работали во всю силу, как благоразумный, так и страстный, а вечером страстный брат забирал себе и свой заработок, и заработок своего благоразумного брата и ночью все это истрачивал на свои удовольствия в «ограждении». Благоразумный же брат не жалел этого и о деньгах своих со страстным не спорил; но он жалел его, что тот так нравственно пал и всякий день все глубже и глубже погружается в смрадное бо-

лото порока, о котором благоразумный брат сам не имел никакого познания и изумлялся силе греха, так страшно возобладавшего над братом. Но при всем этом он верил, что любовь его как-нибудь спасет одержимого, и когда страстный входил в «ограждение», благоразумный садился при дорожке против этого «ограждения», насыпал себе на голову дорожной пыли и горестно плакал. Страстный это видел, но не останавливался и скорой стопой уходил внутрь «ограждения».

Так каждую ночь – один гулял, а другой оплакивал его безумие.

Днем братья между собою уже не говорили, а становились на работу молча и уходили молча, и благоразумный брат никогда более не укорял страстного. И это, наконец, так тронуло страстника, что тот однажды бросился благоразумному в ноги и воскликнул:

– Брат мой любимый! Ты уязвил своим терпением душу мою! Возьми меня в свою власть и сделай со мною, что хочешь! Я не хочу оставаться таким, каким сделался, но не могу собой править.

Тогда благоразумный брат сейчас же по-

ступил, как почитал за лучшее: он взял страстного прямо от ворот «ограждения», где с тем произошел спасительный перелом, и увел его из города в пустыню и «тако приобрел себе брата своего».

Видев же безумную страстность несчастного, благоразумный брат и в пустыне не оставил его на жертву его собственной воле, а заключил его в тесную пещерку, где тот через малое время много преуспел и скончался.

8) *Апреля 15.* Два монаха, живя вместе, вдруг оба наскучили одиночеством и пошли в город. Там они сейчас же взяли себе двух женщин и устроились так, чтобы жить с этими подружиями, а обеты свои оставили. Но скоро они увидали, что жить с женщинами совсем не так легко, как они ожидали, а что это довольно хлопотливо, что женщины требуют себе того и другого, и по добру хороших внушении не слушаются, а надо их много усовершенствовать и понуждать к покорности, а через то от совместного сожителства с ними получается не столько удовольствия и радостей, сколько беспрестанных досаждений. Монахи нашли, что им не совладать с семейным жи-

тьем, и опять сговорились друг с другом покинуть взятых женщин и убежала от них назад в монастырь и там рассказали про все, что с ними было во время их блуждения, и принесли покаяние. Старшие их приняли и посадили в затвор и оставили каяться, а когда минуло время их наказания, то пришли на них посмотреть и увидели, что заключение оказало на них совершенно различное влияние: один согрешивший монах весь исхудал и истомился, а другой, напротив, был телом бодр и лицом весел. Спросили исхудавшего: «что тебе бысть?» Он отвечал: «Кость моя прильне к гортани, егда вспоминаю, чту сотворих». Тогда спросили о том же бодрого, а тот отвечал: «Я все радуюсь, от какой беды меня Господь спас».

Старцы обсудили оба ответа и нашли, что «оба брата пришли равно в хорошее понятие».

9) *Мая1*. Два брата, живучи в ските, занимались искусным рукоделием и один раз, наготовив работ, пошли оба в город, чтобы продать свои произведения. Тут они, как только вступили в городские ворота, сейчас же и

разошлись в разные стороны; один пошел в улицу, которая шла от ворот направо, а другой – в улицу, которая шла влево. И весь день они друг друга не видели. Когда же настало уговоренное время, чтоб им сойтись в условленном месте и идти назад в скит, брат, пошедший влево, сказал другому, пошедшему вправо:

– Знаешь ли, со мною случилось нечто такое, после чего я уже не могу идти назад в скит.

– Что же это такое с тобою случилось? – спросил второй брат.

– А то, что когда мы с тобою расстались, то я встретил очень красивую женщину и поддался соблазнительному влечению, и вот мой обет целомудрия мною нарушен.

– Это очень дурно, – отвечал другой брат, – но уж если это случилось, то тем скорее должно тебе спешить отсюда в нашу пустыню.

– Нет, брат возлюбленный, – отвечал падший: – я уже не решусь теперь оскорбить наше чистое жилище своим присутствием.

Брат же, ходивший в улицу направо, еще настойчивее звал его скорее идти в пустыню

и сам тянул его за руку, но падший не шел и отвечал:

– Нет, тебе самому будет тяжело со мною. Ты – чистый.

Тогда второй брат «помысли мало и отвечаю»:

– Не сокрушайся о том, что мне будет тяжело в твоём присутствии, ибо когда мы с тобою сегодня расстались и ты пошел налево, а я понес свои рукоделья направо, то со мною в правой стороне города случилось как раз то же самое, что случилось с тобой в левой.

Тогда первый брат ободрился и воскликнул:

– Значит, мы равны!

– Да, оба мы равны, ибо оба пали.

– Что же мы теперь сотворим далее?

– Пойдем оба, как равные, вместе в свой скит и оба вместе покаемся старцам.

– А что же нам будет от старцев?

– А уж что будет, то будет одинаково, что одному, то и другому. Не робей – перенесем вместе по заслугам нашим, а как я старше тебя, то верно мне сделают наказание строжайшее, а тебя, младшего, – накажут полегче.

Брат, ходивший влево, «умилился» и пошел в скит. Там с ними вышло, как говорил второй брат, который собственно не был грешен, но только сказал на себя грех для того, чтобы поддержать дух павшего брата, и тем не допустил его до отчаяния.

10) *Мая 21.* Один брат вышел из скита на реку, чтобы почерпнуть воды, и вдруг заметил там на берегу «жену перуцу ризы», то есть прачку, моющую одежды, и «прилучися брату пасти с нею». По совершении же этого греха, брат зачерпнул воды и понес водонос в скит свой, но его облепили бесы и стали кричать ему в уши: «Чего идешь в скит! Тебе там теперь уж не место; оставайся теперь с прачкой!»

Брат этим очень смутился, но сейчас же понял, что бесы этак хотят совсем отбить его от пути спасения, и сказал.

– Чего вы ко мне вяжетесь и для чего мне досаждаете! Я не хочу отчаиваться.

И с тем он пришел в свою келью и «безмолвствовал», но согрешение его открылось одному старцу. Тогда брат покаялся и рассказал, что он скрывал свой грех, боясь, как бы

не впасть в отчаяние. Старец похвалил его «рассуждение».

11) *Мая 24.* Один старец, проведя всю жизнь в ските, пошел раз в Александрию продать свое рукоделие и там увидел, как один монах входит в корчму. Пустынник сел против двери, в которую вошел александрийский монах, и стал дожидаться, пока тот выйдет. Когда же монах через некоторое время показался на пороге, скитник бросился к нему, обхватил его руками и, удерживая его, стал говорить:

– Чту ты, несчастный, делаешь! Или ты не ведаешь, что носишь ангельский чин! Зачем же ты лезешь во вражьи сети, для чегоходишь в корчемницу, где сходятся неподобные мужи и женщины! Молю тебя, беги к нам в пустыню, – там ты спасешься.

Молодой же городской монах отвел руки скитника и сказал ему:

– Иди себе, калугере, – Бог ничего не ищет, кроме чистого сердца.

Старец «воздвиг руки к небу» и сказал: «Я в пустыне не стяжал чистого сердца, а сей ходящий в корчемницы стяжал».

13) *Июня 3.* Встретил отец Пафнутий в пустыне нагого человека, закрывавшегося своими волосами, и стал его расспрашивать об его прежнем житье. Нагой человек сказал, что он жил сначала в монастыре и был ткачом, но наконец ему не понравилось жить в монастыре, а вздумалось, что лучше жить одному: «я так и сделал, и стал работать и жил очень хорошо»; но это шло только «пока позавидовал мне дьявол. Попросила меня одна черноризица устроить ей полотно. Я сделал. Она попросила устроить другое. Я сделал и другое, и яко уже свычай ми бысть с нею и час с часу дерзновение большее, то она заченши родила беззаконие». Тогда нашло на него раскаяние, и он, бросив черноризицу, бежал в пустыню, где Пафнутий и встретил его нагого.

Пафнутий с ним разговорился и спросил:

– Что же, я думаю, сначала-то тебе здесь и тяжело было?

– «Вельми изнемогах, – отвечал нагой, – и лежах в пещере в тузе и в страсти». – Опять хотелось ему возвратиться «к черноризице», но «пришел некий муж, как бы ножом изрезал всю мою утробу, очистил ее и опять вло-

жил, и руками замазал, – и с той поры туга и страсть остависта мя».

13) *Июня 20.* Жил в дальней пустыне один благочестивый старец и имел близкую родственницу, оставшуюся в мире. Долго они не видались, но вдруг этой женщине как-то соскучилось и захотелось сходить навестить своего родственника. При этом женщина не имела никакого дурного умысла, а только хотела узнать чисто по-родственному: жив ли пустынный, или он уже умер; если же он жив, то она хотела побеседовать с ним о божественном и чем-нибудь послужить ему по силам своим. Плутала она долго по пустыне, пока встретила «камиларя», или пастуха, который пас верблюдов. Женщина рассказала ему, кого она ищет. Пастух верблюжий знал пустынного и показал ей, как найти его пещерку, которая была тут же неподалеку. Женщина разыскала своего родственника – Он ее уже не мог узнать, но она сказала ему, что «сродница твоя есмь». Тогда пустынный ее принял. Потом они стали с ним беседовать, но «егда прииде ночь», то старец «преступи с ней свой обет целомудрия». Это сейчас сдела-

лось извесиио необычайным случаем. В этой же самой пустыне, на некотором расстоянии, жил другой старец, который ни мало не интересовался тем, что произошло у соседнего старца но он пошел почерпнуть воды, и только что погрузил свою чашу в воду, как «чаша перевернулась». Старец удивился: потому что до этого случая чаша у него никогда не переверачивалась. Он второй раз зачерпнул чашу, но чуть ее поставил, как она опять перевернулась.

Тогда пустынный подумал:

«Верно это по усмотрению Божию».

А так как он в одиночестве никак не мог себе разъяснить, к чему ему давалось такое знамение то он, не теряя времени, пошел к другому пустынный, спасавшемуся в той же пустыне, но в другом месте.

«Пойду и расскажу ему, – думал старец, – и вдвоем с ним мы это лучше обсудим».

А старец, к которому он собирался идти, как раз и бил тот самый, у которого в это время гостила родственница.

Пошел к нему пустынный на совещание но в один день не дошел, а заночевал дорогой

под стенами идольского капища и тут обо всем узнал. Случилось так, что в этом капище именно в ту ночь собрались бесы и в чрезвычайной радости завели шумное торжество, и стали хвастать, что соблазнили одного известного и опытного пустынного, причем не раз называли соблазненного и по имени.

Это был как раз тот, к кому шел путешественник. Но путник хотя и смутился этим, однако все-таки пришел. К тому, который пал во грехе с родственницей, и, поздоровавшись, спросил у него: «Чту убо сотворю, отче, – егда наполню чашу мою водой и она во время снедения превращается?»

А тот посмотрел на него и вместо ответа сам предложил вопрос: «А чту убо аз сотворю, яко аз впадох в блуд?»

– Да, я это уже знаю, – отвечал гость: – я слышал об этом «в церкви идольстей».

Тогда преступивший обет целомудрия старец, как только услышал, что о нем даже дьяволы говорят, вскочил и отчаянно закричал:

– Ну, если это так, то тогда уж все равно – я брошу пустыню и пойду в мир!

Но тот брат, у которого чаша переворачи-

валась, отговорил его от этого, а присоветовал прогнать только от себя родственницу.

«Старец послушался и исправил житие свое».

14) *Июня 27.* Отцы Даниил и Палладий, придя в Александрию, встретили молодого монаха, выходящего из бань. Им это показалось подозрительно и непристойно, и они ему это сказали, а тот, вместо того, чтобы покаяться, отвечал им: «не судите и не судимы будете». Старцы попросили у него прощения, но скорбели о нем потому, что видели, как около него вертятся два мурина. Спустя же некоторое время они узнали, что этот молодой красавец-монах пришел в Александрию из Константинополя и вступил в связь «с женой епарха», а слуги епарха изловили его и, желая сделать евнухом, так его изуродовали, что он чрез три дня умер «и бысть всем мнихом поругание и урок».

15) *Июля 22.* Жил в одном ските многолетний старец и ослабел силами. Труд, который он до сего времени исполнял, пришлось разложить на других. Это старика очень стесняло, и чтобы не есть даром хлеба, он решился

уйти в Египет. Там же жил с ним в ските другой старец Моисей, который ранее бывал в Египте и вообще был человек очень опытный; он сказал старцу: «не ходи в Египет, – там много женщин, и ты соблазнишься».

А старец этому не поверил и даже обиделся.

– Что ты мне несообразное говоришь! – возразил оя Моисею. – Ты бы должен постыдиться даже вспоминать мне об этом! Или ты не видишь, как я стар, и все тело мое уже одряхлело и умерло!

Моисей же все стоял на своем и говорил, что как человек ни будь стар, но пока он жив, ему, все равно, не безопасно побывать в Египте.

Старец так рассердился, что назвал Моисея нескромным и соблазнительным, а сам сейчас же встал и ушел от него в Египет. Слава же этого старца была столь велика, что его уже и в Египте знали, и об его замечательной жизни рассказывали друг другу. А потому, как только старец появился в Египте, так и стали приходить к нему разные люди за духовными наставлениями и исцелениями. И

сначала все шло очень хорошо, но один раз «прииде также по вере Божий послужити ему и некая дева». Она была чем-то неисцелимо больна, «но по лете едином старец исцели ея и впад с нею в грех и она явися непраздна». Люди, приходящие к старцу, стали замечать особенное положение девушки и начали говорить об этом различно. «А простая же чадь прямо спроси ея: откуда се имаши?» Девушка отвечала им: «от старца». Одни ей верили, а другие не верили, ибо «бе той старец вельми многолетен». Но старец, услышав эти разногласия, сам подтвердил слова девушки. Он сказал: «се аз сотворих сие, и вы сохраните отроча рождающееся». «И ради просьбы его бысть родшееся отроча отдоено». Спустя же некоторое время в ските был праздник и собралось много народа, и тогда посреди толпы вдруг появился оный старец, «нося на раме своем отроча отдоенное», и вошел в церковь и, оборотясь к скитникам, сказал: «Видите ли это дитя? Это есть плод моего непослушания. Берегите себя от этого, потому что ежели такое дело могло случиться со мною, при моей старости, то тем легче это может случиться со

всяким в молодости».

«И видевшие это все заплакали».

16) *Июля 25*. В одном египетском монастыре был знаменитый, «славный» дьякон. Случилось, что местный князь той страны преследовал одного простолюдина, у которого была очень красивая жена. Преследуемый, укрываясь от князя, прибежал с семьей в монастырь, чтобы здесь сохранили его жену от страстных преследований неистового князя. Монахи приютили супругов, но муж от этого ничего не выиграл, ибо тут «удариста во дьякона неприязненные силы вражия», и с женой простолюдина таки случилось то самое, чем угрожало ей неистовство князя. Дьякон, заменивший князя, был изобличен и пристыжен, и его определили «погребсти живого в темницу», и так и сделали. Дьякон долго оставался замурованный, но в крае том настала продолжительная засуха, и сколько ни молились о ниспослании с неба дождя, – дождя все не было. Тогда явлено было одному старцу, что надо «извести наружу и поставити к служению сокрытого славного дьякона». Сделали по этому внушению, и когда размуровали за-

твор «и дьякон изшед и взявши сан свой» начал молебствовать – «сошел дождь на землю»

17) *Августа 12.* В царствование Леона, царя константинопольского, жил один очень славный и богатый человек, который при том был и чрезвычайно добр, но в то же время был и большой грешник. Он имел неодолимое влечение к красе женщин и находился в постоянном с ними обращении, и так к этому привык, что каков был смолоду – точно таким же оставался и в старости, – «занеже устарел в нем той злой обычай». В таком страстном одержании этот именитый и добрый человек и умер. При погребении его у патриарха Гермогена и епископов, а также и у мирских знатных лиц в Византии возникло огромное недоумение: как почитать этого усопшего, за праведника или за грешника, и в каком месте он должен быть помещен после смерти, то есть в раю ли с праведниками, – чего он был достоин по свойствам своей доброй души, или в аду с грешниками, куда ему следовало идти за свой любострастный «обычай». Долго об этом рассуждали важнейшие духовные люди в Византии и никак не могли

придти к решению. Тогда захотели спросить Небо, и патриарх Гермоген повелел всем монастырям и затворникам молиться, чтобы «явлено было о человеке сем пользы ради человеческие». И Небо ответило: открыто было некоторому затворнику следующее: «видел он. *местонекое*, имущее одесную рай, а ошуюю езеро огненное, и между ближнего рая и страшного пламени стояше привязан умерший муж и зле стенаше, позирая на рай. А ангел господен говорил ему: „напрасно, человече, стонеси, ибо ради милосердия твоего избавлен еси от муки, – за скверну же любострастия лишен рая“».

Преследованное нами в семнадцати «прилогах» ясно показывает, что из тридцати пяти случаев, где имеет место любовный соблазн, – в семнадцати случаях женщины Пролога не обнаруживают никакого обольстительного коварства для совращения мужчин, а, напротив, мужчины сами увлекаются в эту сторону с чрезвычайно неразборчивостью и легкостью.

Этим кончается первая категория женских лиц, за которою следуют другие, представля-

ющие собою характеры более сложные и более интересные.

Прямыми соблазнительницами женщины Пролога являются в следующих историях:

18) (1) *Октября 7*. В Александрии был славный художник, делавший необыкновенно изящные вещи из серебра и золота. Его звали Зенон (в Прологе он называется «златокэзец»). Он был потаенный христианин. По художеству его ему нигде не было равного. Самые именитые женщины роскошного города наперебой непременно хотели иметь украшения, сделанные этим искусным мастером, а Зенон не успевал исполнять всех делаемых ему заказов. Богатые щеголихи Александрии шли наперебой одна перед другой и платили очень дорого, чтобы перещегоолять друг друга, но только и это не помогало. Тогда в Александрию приехала из Антиохии одна молодая красавица, необычайно своенравного и настойчивого характера. Она имела привычку ни пред чем не останавливаться для достижения своей самоналейшей цели, а цель ее в Александрии была превзойти здесь своею пышностью всех александрийских женщин.

Имя ее было Нефорис или Нефора. Вся Антиохия знала ее как самую первую красавицу, затмевавшую собою всех иных в роде Дафны. Она захотела во что бы то ни стало иметь «головную утварь на красоту своего тела» и не послала звать к себе художника, потому что знала, что Зенон откажется, а она взяла золото и драгоценные камни и сама пошла к нему и стала его «умолять» сделать для нее такое головное украшение, которое как можно более шло бы к ней и еще сильнее возвысило «красоту ее изящного тела».

Зенон, удаляясь от шума, жил за городом в красивой местности, до которой было довольно далеко. Нефора шла сначала тенистою аллеей, по которой ей встречались рабы, несшие в паланкинах женщин, и с грохотом проезжали колесницы на конях с подстриженными гривами, потом путь становился безлюднее и тише. От аллеи начинались мелкие свертки по тропинкам в удожья, утонувшие в рощах. У одного из этих свертков под ветвистым деревом сидел старик и кормил своего верблюда. Нефора спросила его, где живет Зенон златокузнец. Он ей указал на поляну, где

зрели ароматные дыни, меж сирени, жасминов и роз, а сзади катился ручей и за ним в чаще кустов стоял белый домик. Вокруг было тихо – только черные дрозды сидели на белом карнизе и пели. Дверей не было видно. Нефора ударила три раза в стену – и перед ней раздвинулась панель и ее встретил Зенон.

Он был поражен и недоволен ее посещением, но принял ее в свою мастерскую. Это была большая, квадратная комната без окон, – свет проникал в нее через потолок, сквозь фиолетовую слюду, отчего все вещи казались обвитыми какою-то тонкою дымкой. По середине комнаты стоял бронзовый ибис и из его клюва струилась свежая вода; в углах помещались обширные тазы, в которых рос златоглавый мускус и напоял всю атмосферу своим запахом. Все стены были покрыты художественными произведениями искусства. Здесь были и Апис, и фараоновы кони, и шесты, и посуда.

Застигнутый дома врасплох, «златокэзнец» не мог отделаться от этой бойкой и настойчивой гостьи и стал с ней разговаривать, невольно замечая, что она чрезвычайно кра-

сива и одета к лицу, так что красота ее выда-
ется еще ярче. Чернокудрая голова ее была
покрыта широким и тонким полосатым ке-
фье, мягкие складки которого облегли, как
воздух, ее черно-синие кудри. Кефье перевя-
зано было желтым шнуром. Ее уши, руки и
пальцы были украшены серьгами, кольцами
и браслетами, а на шее было золотое ожере-
лье из множества тонких цепочек и на конце
каждой из них дрожали жемчужные перлы.
Ресницы ее были подведены, а концы паль-
цев подрумянены и тонкие ногти отливали
радужным перламутром. На поясе ее, кото-
рый обхватывал приятного серого цвета ту-
нику с красною каймой, висело маленькое
зеркальце и такой же маленький сосуд с па-
хучею индийскою эссенцией.

Она села, не ожидая приглашения хозяина,
погляделась в свое зеркало, прыснула на себя
и перед собою духами и пригласила художни-
ка, чтоб он помог ей обсуждать: как ей можно
еще «приумножить ее красоту». И когда уви-
дала, что он растерялся, то дабы не дать ему
опомниться и сразу преклонить его на свою
сторону и получить от него такую изящную

«утварь», какой нет ни у какой другой имени той женщины во всей Александрии, она стала прельщать его своею красотой, с намерением довести это до крайнего результата. «Тогда, – думала она, – он, как любовнице своей, сделает для меня убор всех лучше, а вреда моей чести от этого никакого не будет, ибо никто даже и не подумает, что я, будучи столь знатна и богата, согласилась бы такою ценой златокузню его купить». Подходы щеголихи были так ясны, что художник не мог их не понять, но она еще их усилила, – она сказала ему:

– Здесь жарко, и ты должен видеть тело мое без посторонних прикрас: серый и красный цвет оттеняют цвет моей кожи. Я должна сбросить тунику. – И она ее сбросила, и в это же время вилась перед ним, переменяя прически, а он примеривал к ее лицу и голове то те, то другие снизи и пронизи и беспре- станно имел в своих объятиях ее тело, покры- тое одною сорочкой, которая держалась за- стежкой на правом плече и шла вниз под ле- вую руку, так что в глаза ему была прелесть ее тела, и это его туманило... Художник «блаз-

няшая на ню», а она ему «подаяше помизание очима и неподобен смех». Он опускал свои веки, чтоб ее не видеть, но она, смеясь, насильно открывала их своими тонкими пальцами, – он опять ее видел и душа его играла и прыгала, как молодая лань в горах или как горный поток в стремнинах Ливана. Зенон просил ее удалиться. Нефора смеялась и тихо шептала: «зачем?»

– Я хочу быть царем моей совести!

– Э! Оставь это! Поверь, веселей быть червем, гложущим тутовый лист в роце Дафны, чем томиться в царственной скуке. Дай мне вина и лобзанье в память нагого ребенка!

Зенон ей подал фиал; она отпила половину, а другую половину, смеясь, влила ему во уста и держала его все это время в своих объятиях, а потом, бросив пустой фиал, поцеловала Зенона в честь Вакха...

Страсть, как темная гора, покрыла сердце Зенона.

Случай мог быть чрезвычайно опасным для обоих, но златокузнец александрийский был тайный христианин, и это спасло обоих. В самую безумную минуту, «егда устремися

уже греху, – помянуса художному мужу слово евангельское: аще соблазняет тебя рука твоя или нога – отсецы ее, или око – избоди е». «И он, возрев на жену, рече: „мало ми отступи“ (отойди немножко) и изем нож удари ся в око десное и рече: Виждь, Господи, яко сохрани-тель заповеди Твоя есмь, – да егда и аз востре-бую помощи от Тебя – Ты не удалися». Соблазнительница ужаснулась и убежала.

Вскоре в Александрии случилось гонение на христиан. Гонитель их был человек не только жестокий, но и насмешливый, – он хотел издеваться над христианами и, призвав их епископа, сказал ему: «Не нахожу в вашей вере ничего основательного и твердого, да не верю, чтобы вы и сами могли верить в то, о чем рассказываете. Вот я задам вам решительное испытание: если вы его выдержите, то вы останетесь целы, и все, чтт у вас есть, – ваше будет; а если не выдержите, тогда я поступлю с вами, как с обманщиками, и оберу у вас все, что вы имеете, на государя. Испытание же вере вашей назначаю вам по вашим книгам; там написано: *если кто имеет веру и скажет горе – „стронься с места и иди в воду“*,

то будто гора непременно тронется и пойдет. Вон, видите, там недалеко от берега Нила есть гора Адер. Она стоит там много лет, огнем земным выдвинутая еще в начале создания земли, когда не было ни пирамид, ни сфинксов, ни праотцев наших, трудившихся над этими постройками. Выберите из себя такого истинно верующего, который мог бы сделать над Адером то, что представляется за возможное в ваших книгах; если гора Адер стронется с места и пойдет, то я поверю, что в ваших книгах писана правда, а если вы ничего этого не сделаете, то вы тем докажете, что все вы лгуны, и тогда я поступлю с вами как с недостойными уважения обманщиками, а все ваши имущества возьму у вас на государя».

Христиане пришли в ужас. Они знали, что их правитель жесток и пощады им от него не будет: если гора Адер не тронется со своего места и не пойдет в Нил, тогда всем им придется погибнуть с позором, а все добро, которое они собрали трудами в течение всей своей жизни, будет расхвачано или поверстано в казну, а дети их останутся нищими и с осмеянною религией и без руководства родителей

перейдут в веру торжествующих отцовских мучителей...

В таком ужасном положении все христиане, жившие в соседстве горы Адера, надели на себя неподрубленные одежды печали, постились, молились и плакали, а между тем время шло и приближался уже срок, назначенный правителем. Никто, – ни один из христиан не чувствовал в себе той уверенности, чтобы сказать горе при людях: «стронься с места и иди в воду».

Скорбь христиан сделалась известна и иноверным людям в городе, и тогда к христианскому епископу пришла тайно та самая египетская красавица, которая ранее приходила соблазнять «златокузнеца», и она сказала епископу:

– Я узнала о вашем горе и мне вас жалко, но вы, может быть, напрасно приходите в отчаяние, ибо если только вере все возможно, то у вас есть такой человек, который имеет настоящую веру, и его вера может выдержать всякое испытание.

– Как! – воскликнул епископ: – неужели ты, нехристианка, уверена, что гора может

сдвинуться?

– Да, я верю в это потому, что я видела веру, которая преодолела законы естества, но меня очень удивляет, что этого-то одного человека я и не вижу между теми, которыми ты себя здесь окружаешь и с которыми советуешься!

– Скажи же скорее, сострадательная госпожа, – кто он такой?

– Он златокузнец, художник.

– Неужто Зенон окривелый, который делает кумиры и утварь для женских уборов?

– Да, это Зенон.

– Помилуй! – воскликнул христианский епископ: – ты говоришь невозможную вещь.

– Почему?

– Зенон искусный художник, ни слова об этом; но он в вере нашей не крепок, он в постоянном общенье с людьми разных вер и ты имя его можешь увидеть на исподах различных кумиров, – крокодилов мерзостных, страстного ибиса и быка с черным пятном и коней фараона; при том Зенон часто бывает ленив: он не поспевает к общей со всеми молитве, в день недельный; когда много зака-

зов, он одинаково трудится, будто как в будень; он живет без жены и нимало не занятю мыслию, чтоб учредить себе семью или удалиться в пустыню, а он охотно разговаривает с посторонними женщинами, которым он нужен, и угождает их суетности.

– Может быть все это правда, – отвечала гостья, – но быть может и то, что все это не так важно, как тебе кажется.

– Ах нет, госпожа, – что уж касается степени важности в вере, то ты поверь, что нам это ближе известно.

– Я и не спорю, – отвечала Нефорис: – так и должно быть, чтобы вам все было лучше известно, но услышите и то, что я знаю о вере Зенона.

– Что же тебе стало известно?

– Мне известно, что Зенон покорил себя воле Учителя вашего, которого все вы зовете сыном вашего Бога, и при мне показал такую силу любви к его слову, какой, может быть, никто из вас не видел.

Епископ попросил ее, чтоб она рассказала, что такое она видела, и Нефорис с полною откровенностью рассказала ему всю соблазни-

тельную сцену, которую она устроила художнику из желания иметь от него искусный убор на голову.

Старец всплеснул руками. Ему было известно, что златокузнец недавно окривел на один глаз, но он не знал, отчего это случилось с Зеноном. Услыхав рассказ красивой Нефору, епископ понял всю трудность борьбы, которую одолел художник, и дал цену его поступку. Он благодарил гостью и сказал ей:

– Верь, прекрасная госпожа, это никогда не забудется в нашем народе, что ты пожалела о нас и не скрыла этого происшествия, которое при совершеннейшей красоте твоей для всякого должно быть удивительно, и я согласен с тобой, что Зенон доказал свою веру своим послушанием: я сейчас пошлю звать его, чтоб он сдвинул гору.

В тот же час от епископа пошли за Зеноном послы, чтобы он немедленно явился, а антиохийская модница, рассказав свою тайну и тайну Зенона, ушла, чтобы с ним тут не встретиться. Ни епископ, ни бывшие при нем люди не уразумели настоящих намерений гостыи. Египтянка Нефора, растлившая ум свой

в Антиохии на безумных пирах в роще Дафны, не знакома была с состраданием, но мстила Зенону за его равнодушие и нарочно выставляла его на самую ответственную роль, в которой он должен быть народом осмеян.

Кривой златокузнец не скоро пришел из своего загородного дома, а когда пришел и епископ рассказал ему, что от него требуется, чтоб он сдвинул гору, то он этому очень удивился и отвечал:

– Господи, боже мой! Что только я слышу! Или вы это вздумали в шутку, чтобы посмеяться надо мной!

– Как! – отвечали ему: – да ты разве не знаешь, какое над нами случилось бедствие?

– Скажите скорее! Я живу далеко и от молвы городской в стороне, и ничего не знаю.

– Наш правитель велел нам для испытания веры нашей, чтобы мы сдвинули с места гору Адер.

– О, боже великий! Кто ж это должен исполнить?

На это все вдруг ему ответили:

– Ты!

Художник подумал, что он ослышался, и

воскликнул:

– Что? Я не слышу, что вы сказали?

Но народ еще громче вскричал в одно слово:

– Ты, Зенон, ты сдвинешь гору!

Зенон закрыл себе ладонями уши и стоял в молчании минуту, а когда открыл слух, – опять оглушил его тот же самый крик:

– Ты, Зенон, сдвинешь гору!

– Так это не в шутку на меня возложили?

– Да, Зенон, да! Ты это сделай. Мы все тебя просим.

Зенон покачал головой и сказал:

– Кто научил вас задавать мне такую задачу? Неужели я во всей общине всех лучше верю, и нет человека, которого смелее можно бы выставить на такое великое дело – испытание веры.

А епископ ему отвечал:

– Напрасно, Зенон, ты стараешься спрятаться за свое смирение! Мы сами считали тебя в вере некрепким, но узнали одну твою тайну и теперь переменили свое мнение. Ты напрасно будешь отговариваться: ты один можешь сдвинуть гору.

– Но объясните мне... о какой такой моей тайне вы говорите!

– А отчего ты потерял глаз?

– Глаз?

– Да!

Зенон смутился и поник головой.

– То-то и дело, – сказал ему, ударяя его по плечу рукой, епископ: – сюда приходила красивая госпожа и все про тебя рассказала. В тебе природа повинуется Богу. Мы знаем теперь, как ты освободил себя от соблазнов, входивших в сердце твое через глаз: ты его выколдовал. Не марай себя ложью, скажи нам: так это было?

– Так, – уронил тихо Зенон.

– Я стар, но не даром я избран в епископы: я понимаю, какое ты сильное одолел искушение. Вере твоей больше нельзя да и не должно таиться; как старший в общине нашей, я совлекаю с тебя темный хитон твоего смирения. Отселе ты, Зенон, должен просиять всему миру и спасти нас перед издевающимся гонителем.

Кривой художник очень долго отказывался, но епископ не освобождал его от трудного

послушания, а видя его непреклонность, сказал людям, чтобы все люди Зенона просили, и те все стали плакать, бить себя в груди и громко кричать:

– Или ты, строя крокодилов из золота, и сам уже стал крокодил, а не человек, и не имеешь сострадания? Отчего же ты умел спасти себя одного, а теперь все множество людей хочешь оставить в жесточайшем бедствии? Устыдись своего жестокосердия, испробуй свою веру, повели горе Адеру двинуться и идти в воду, чтобы все мы остались целы в наших жилищах!

Такого общего жалостного вопля художник не выдержал.

– Братья мои, – сказал он, – не укоряйте меня в том, что я мастерством моим произвожу из камней и из золота подобия созданных в природе творений. От этого нет никакого зла и сам я не сделался через то ни камнем, ни золотом, и скорбь ваша жжет мое сердце. Поверьте, что если бы для спасения вашего нужно вам было, чтоб я выколол себе второй глаз, то я бы это сделал сейчас же и не искал бы себе за то ни возмездья, ни славы; но повелеть

горе, чтоб она двинулась с места и поверглась в Нил, я не могу, потому что я не верю, чтобы слабая вера моя на это годилась. Не себе, а всем вам, всем христианам, я боюсь сделать укор и учению Христа постыжденье, ибо не мне ты вменяет неудачу, а его станут укорять безрассудно.

А те отвечали:

– Оставь, Зенон, оставь! И мы, и епископ, все тебе верим, что крепка твоя вера, и потому не медли, спеши прославить всеобщее упование на веру твою: помолись и повели горе идти с места?

Кривой златокузнец воздвигнул плечами и воскликнул:

– Всемогущий и Вечный Отец! Ты видишь скорби этих людей, которым ты дал уразуметь тебя через Иисуса, отрока твоего! Перед тобою открыта бесконечность вселенной и все глубины бездны, но ты же видишь и терзание моего сердца, которое не может сносить слез моих братьев. Прости мне, что смею тебя умолять, – не постыди нас всех, оживившихся верою, и соверши невозможное, как возможное, ибо твоя есть сила и слава вове-

ки!

Все александрийские христиане повторили эту краткую молитву кривого художника и все сразу, поднявшись, запели псалом и пошли из города в смиренье толпой к горе Адеру, а впереди их шел, тихо молясь, их епископ.

О движении христиан в тот же час дали знать градоправителю, у которого в ту пору было много именитых гостей, и он, и все его гости захотели поехать к горе, где надеялись видеть, как будут смешны христиане. Градоправитель, в пурпуровой с золотом тоге, ехал впереди всех в колеснице, выложенной серебром и слоновою костью, с львиными головами на гайках, где колеса были привернуты к оси. Воронье кони его были прямые потомки коней фараона, их челки и остриженные гривы покрыты золотою тяжелою сеткой работы Зенона, поводья из золотистого желтого шелка с золотой бахромою. В других колесницах так же парадно ехали гости. К ним приставали по пути прохожие на убранных ослах и дорого стоимвших белых верблюдах с пушистою шерстью. Пешие люди в большом изобилии

их окружали несметной толпою. Явились крестьянки с кувшинами свежей воды и с корзинами фруктов. Толпа становилась все больше и больше, и все шутили и смеялись, ожидая, что когда гора не пойдет, то правитель даст знак отряду следовавших за ними воинов, и они сгонят христиан к Нилу и всех их помечут с берега в воду. Появились на старых ослах и закладчики с мешками монет и с таблицами, на которых писали заклады. Никто ни секина не хотел держать за то, что гора сдвинется, но держали за то: всех ли утопит правитель, или только немногих, а других отдаст в рабство.

Между тем христиане с епископом, не спеша, подошли к подошве горы, опять помолились и пошли обходить гору вокруг. Со смиренной молитвой они обошли «все основанье горы», и когда возвратились на то место, откуда начали обход, то епископ сказал кривоному художнику, чтоб он еще помолился. И чуть художник преклонил колена, как над землей послышался гул, и гора Адер колыхнулась, как шапка на сонном феллахе.

Толпа горожан, забыв смех и заклады, ша-

рахнулась назад и испугала коней и верблюдов; вышло смятение, колесницы одна зацепляла другую, верблюды зафыркали и подняли шею, а ослы закричали и начали биться...

Напрасно трубили в рожок и напрасно кричал градоправитель: «Уймитесь, безумцы! Это не больше, как грохот колес или простой гул от волн Нила!»

Всякий чувствовал, что земля под ним колебалась, и заметили все, как кремнистые ребра горы впали, потом вдруг напряглись, вышли наружу и стали крошиться. Осколки острых кремней и песок сыпались вниз, и порой, как из пращи, разлетались в стороны с треском, внизу же необъятным пластом ползли оползни глины... Казалось, как будто разрушалось создание горы, а расстояние, которое отделяло Адер от Нила, на виду у всех начало убавляться с обеих сторон, ибо вода в реке также шумела, билась на берег и затопляла пространство...

Тут не только те, которые были на месте, но все, кто оставался в Александрии, так испугались, что потеряли всякое обладание собой; все бросились скорее вон из своих коле-

бавшихся домов и устремились бегом к подножию Адера. Среди них, то мешаясь в толпе, то выдвигаясь вперед, шла в волнении Нефорис и говорила всем о своем поведении, и о стыде, и о страхе, которые испытывала она у Зенона, и этот Зенон теперь по ее вине погибает. На нее смотрели как на сумасшедшую. Где спокойно стояли одни христиане со своим епископом и кривым художником, – все те, которые пришли сюда с торжеством и насмешками, метались, рыдали и, хватаясь один за другого, друг друга отталкивали, чтобы не стать тяжелей от того, что другой человек держится, и не провалиться с ним вместе в трещины, которые, к вящему ужасу, стали обозначаться под оседавшею глиной.

Тогда прибежавшие александрийцы издали закричали христианам:

– Бесчинные люди! вот до чего довело нас милосердие, с которым мы вас терпели! Что вам за польза делать нам зло? Для чего вы ведете недвижную Адер-гору с ее векового места? Для чего хотите завалить нашу реку? Нил орошает все наши поля и дынные гряды; через его мерный разлив земля всех нас кор-

мит, а вы хотите сделать так, чтобы гора запрудила сразу всю воду и чтобы Нил выступил вдруг и началось по всем полям и по дынным грядам потопление! О проклятый народ! о жестокие люди! И вы еще смеее уничтожать крокодилов! Нет людей хуже вас во вселенной! Вы злей гальских друидов и ваш бог – Аримана персидского злее!

Тогда христианский епископ поднял руку и отвечал александрийцам:

– Бог христианский простит и в вину не поставит вам то, что вы, не зная его, о нем говорите. Он есть отец всех и отец милосердия. Вы в заблуждении. Не мы, христиане, хотели, чтобы нарушен был священный покой мирозданья. Если же гору ведем, то не своею мы это делаем волей.

– Кто же мог вам это велеть?

– Спросите о том своего градоправителя: это он повелел нам, а мы, христиане, повинемся власти.

В это время проносили в носилках градоправителя, которому в суматохе переехали колесницею ноги, и он услышал это и, тяжело стоная от мучительной боли, воскликнул:

– О, как я наказан, и как о безумстве моем сожалею! Но довольно: я верю вам, верю, велик бог христианский, и я не хочу вперед с ним состязаться! Если вы в самом деле не противитесь власти, то теперь я повелеваю вам: сейчас же остановите гору!

– Господин, – отвечал ему христианский епископ, – мы власти покорны, но мы не знаем, можем ли мы исполнить второе твое повеление. Ты ведь сам перечитал наши книги и их знаешь: там точно сказано, что можно велеть горе *двинуться* и *идти в воду*, но припомни – там ведь ничего нет о том: можно ли остановить гору, когда она уже тронулась и пошла со своего места.

Земли же между горою и Нилом в это время все убавлялось; ползучая глина теснила народ с одной стороны, а вода хлестала с другой, и песок в промежутке засыпал людей по колению.

– Земля поглощает нас! – воскликнули люди. – Проклятие правителю! Смерть ему, ненавистнику! Велик бог христианский!

Тогда правитель остановил носилки и стал просить александрийцев простить ему его

дерзость, но те его не слушали, а сами упали перед христианами на колени и завопили:

– Святая вера ваша, и все мы хотим принять эту веру. Возьмите нашего правителя; мы отдаем вам его и даже сами сейчас бросим его в Нил пред вами, только спасите нас, – пусть гора станет.

Епископ сказал им:

– Нет. Вы не знаете, какого мы духа. Нам нежеланна погибель ничья. Бог не хочет смерти грешных. Со смертью кончается путь к исправлению. Всякий же здесь себя обязан исправить. И правитель наш тоже жизнь имеет от Бога. Пусть живет, пока дни его совершатся. Злое отвергну, в сердце с одною любовью воскликнем все без различия:

– Помилуй, Владыко!

– Помилуй! Помилуй! – прокатило в народе, и все пали лицами в землю.

Все стало стихать; ветер умчался, осыпи крепи, сухие камни перестали лопаться и крошиться, влажные оползни огустевали и твердели. Епископ все тихо молился. Порядок восстановился. Гора, которая *двинулась* по вере художника, стала на своем месте по молит-

ве епископа. Люди и животные как бы пробуждались от сна. Все наслаждались покоем, кони трясли головами, а верблюды лежали, поджав под себя ширококопытные лапы и жевали свою бесконечную жвачку. На деревьях показались глиноцветные голуби и заворковали. Нефорис благовествовала: она незаметно подошла тихо к Зенону и, держа его за руку, говорила:

– О, если бы ты знал, как мне тебя жаль, и как я чту и люблю твоего бога, и как укоряю себя.

– В чем ты себя укоряешь?

– Око... твое где, твое око, бедный Зенон!

– Оставь это. Зенон блажен, а не беден. Я счастлив, Нефора, что вижу в тебе одним оком теперь тихую мысль христианки, и ты сама мне милей, чем тогда... когда я в два глаза смотрел, как лицо твое рдело бесстыдством порока.

– О, замолчи!.. Я призналась во всем перед всеми...

– Ты очень достойно поступила, Нефора.

– Да, теперь я удаляюсь... в пустыню.

– В пустыню!.. Помедли, на тебе есть мой

долг.

– Долг мой!.. Чем должна я тебе? – удивилась Нефора.

– Чтобы исполнить совет моего Учителя, я отдал мой глаз; ты была в этом отчасти причинна, но когда ты не пожалела себя и обнажила перед людьми свой сокровенный грех – ты себя исправила и привлекла меня к себе. Мы теперь одного духа и можем быть подпорой друг другу... Для чего нам теперь расставаться? Нефора! Будь ты женою Зенона!

И они сделались супругами.

Отсюда видим, что соблазн, устроенный художнику модницей III века, не имел успеха. Египетская красавица не только не могла соблазнить нравственного человека, но еще сама была поражена твердостью христианских правил, и вся эта история послужила к обращению в христианство множества людей, не признававших до тех пор ничего выше соблазнов чувственности.

Кривой художник «сдвинул» эту гору.[2]

Второй случай соблазна.

19) (2) *Декабря 24.* Был монах Никола, который прежде служил в войске. Когда при Ни-

кифоре царе случилась война, он не утерпел, чтобы оставаться при мирных занятиях в монастыре, и опять пошел воевать.

Никола был родом грек и находился в цветущей поре возраста. Он был высокий ростом, статный, сильный и красивый и с молодецкою, военною выправкой.

Когда Никола проходил по Болгарии, на него постоянно обращали внимание женщины, а он не замечал их; но вот случилось ему раз зайти переночевать в одну болгарскую гостиницу и тут случилось с ним нечто опасное.

Пока он ходил, вечерял и потом укладывался спать, «приметила его юная болгарыня, девица вельми младая, дочь гостинника болгарского, и пленилась его красотой». Инок же, воинственный Никола, ничего этого не подозревал; он спокойно поужинал, помолился богу и лег спать, и как он от дороги очень устал, то сейчас же и заснул очень крепко. Но только что он разоспался «ко второй страже ночи», неожиданно почувствовал, что его кто-то тихо, но неотступно потрогивает. Монах простер руки и ощутил горячее человеческое

тело и встретил молодые, тонкие руки, которые страстно сплелись с его руками, и в то же время чьи-то страстные уста во тьме стали покрывать лицо его поцелуями. А при этом все прочие люди, ночевавшие в гостинице, спали крепким сном и никто не мог бы помешать страстной сцене, но инок сам освободился от искушения.

Никола «воспряну», отстранил от себя ласкающую его прелестницу и «вопроси ее, кто еси и чего хочещи?»

«Она же отвеца ему: дщерь есмь гостинникова, – рачением любви к тебе уязвленна и притекоша влекущися страсти ради неисцельные».

Монах начал останавливать страстную болгарку и напомнил ей, как она еще молода, и что ей должно стараться соблюсти свою девичью чистоту, чтобы вступить честно в брак, или сделаться инокиней, но девушка так им увлеклась, что не слушала его нравственных увещаний и советов, а обратилась к хитростям, чтобы выиграть время и опять напасть на него, не наделав шума. Она «отползла от него», улеглась потихоньку на своей по-

стели и притворилась, как будто заснула, но «к третьей страже ночи паки припаде к нему влекущи». Тогда Никола опять заговорил с нею уже строго и притом громко. Этого девушка испугалась, чтобы другие от их переговоров не проснулись, и она «сего ради отступи мало» от Николы, но тяжело дышала и «клегцающе», как клегчат в гнездах молодые орлицы, опять кинулась целовать Николу. Это уже переполнило «меру терпения инока». Монах Никола плюнул, сказал: «ты бес, а не девушка», – и встав ушел ночью из гостиницы. Тем дело и кончилось.

Следовательно, и вторая соблазнительница тоже не могла соблазнить нравственного мужчину. Теперь увидим, какой успех ждал третью, – женщину самую смелую и самую настойчивую в искусстве соблазна.

20) (3) *Декабря 27*. В одной ниже-египетской пустыне жил очень воздержанный отшельник, о котором рассказывали много необычайного, и особенно хвалили его за то, что он не поддается никаким соблазнам. Соблазнить его считалось невозможным. Одни этому верили, а другие нет. Раз знатные лю-

ди, пировавшие с городскими гетерами, переходя от одного соблазнительного разговора к другому, заговорили об этом пустыннике, и кто-то из них – шутник и затейник – сказал одной из самых славных гетер:

– Вот этот человек – не то, что мы, – он вас, женщин, презирает и никакая красавица его не соблазнит.

Гетера же отвечала:

– Это пустяки: я никогда не поверю, чтобы какой-нибудь мужчина мог устоять перед женщиной, если она хороша из себя и хочет его привлечь к своим ласкам.

С этих слов завязался оживленный разговор, в котором приняли участие все пировавшие вместе гетеры и угощавшие их знатные лица, и, будучи распалены вином и взаимным сближением полов, все они стали спорить: возможно или нет, чтобы мужчина, хоть и благочестивый и постник, устоял перед соблазном, который поставит ему красивая женщина, если она решится ни перед чем не останавливаться для достижения своей цели. И гетеры, и знатные богачи высказывали на этот счет разные предположения, и спору

их не предвиделось конца; но тогда одна самая красивая из всех тут бывших гетер сказала: «Чтобы нам не толковать об этом долго без доказательств, я предлагаю вам решить спор наш опытом; положим сейчас же заклад: могу ли я соблазнить вашего отшельника или нет. Это больше докажет, чем спор на словах, и будет гораздо интереснее. А потом я пойду и попробую силу моей красоты над его благочестием, и мы увидим на деле: кто из нас правее: вы ли, которые думаете, что на свете есть твердые мужи, недоступные силе женской красоты, или правы мы, женщины, которые стояли за силу нашей власти над природой мужчины? Но только я не стану делать этого задаром: я хочу знать, чтт вы мне за это дадите более против того заклада, какой я сама за себя положу вам?»

Пировавшие же друзья пообещали дать ей «очень дорогую вещь».

– Хорошо, – сказала гетера, – я уверена, что низложу вашего старца, и, не теряя времени, сейчас к нему отправлюсь в пустыню, а вы вставайте завтра утром раньше перед тем, когда из-за гор поднимется солнце; возьмите с

собою цветов и ветвей со смолистыми шишками кедра, пусть за вами несут кошницы с сочными гроздами и пусть будет все как надо идти к новобрачным, а под одежды себе сокройте свирель и пектиду; когда же придете к пустынной пещере, то приближайтесь без шума и тихо туда через тын загляните: я вам ручаюсь, что анахорет ваш в утомлении страсти будет лежать в крепком сне, преклонясь к моим ногам, – и вот это будет ответ вам на все ваши споры со мною!

Собеседники весело согласились так сделать. Тогда гетера без малейшего промедления переделалась в серую одежду с неподрубленными краями и, имея вид скромной странницы, вышла из города, а к вечеру дошла до пещеры отшельника. Придя же к самой двери отшельника, она притворилась утомленною до совершенного изнеможения и стала просить, чтоб он пустил ее к себе переночевать. Старец был осторожен и ни за что не хотел и слышать о том, чтобы пустить к себе женщину: он отгонял ее прочь всякий раз, как она к нему «вопяла», но она не отставала и была очень искусна в притворстве. После

того, как старец отгонял ее несколько раз, она начала прежалобно плакать и представлять ему, каким страшным опасностям она вскоре подвергнется, если он не пустит ее хоть за ограду, окружающую его пещерку, и она должна будет остаться на всю ночь в неогражденном месте.

– Рассуди, отче, – говорила она, – ведь и я человек, подобный тебе...

– В том-то и дело, что – «подобный», – отвечал тихо, как бы про себя старец.

– Так куда же мне деться?

– А разве мала пустыня и нет в ней пещерок? Иди и поищи себе приюта.

Но переодетая притворщица отвечала:

– Ах, я не знаю, где искать, и к тому же я сегодня так много прошла, что мои ноги более уже не носят моего усталого тела: я не могу дальше идти и бродить впотьмах в пустыне.

Старец молчал.

Гетера выдержала несколько минут и продолжала со скорбною решимостью.

– Ну, пусть будет так: если ты не открываешь мне двери, так я, все равно, лягу здесь на голых камнях, у кольев твоей загородки, и тут

наскочат на меня тигр или лев, и пусть они здесь же меня растерзают.

Старец опять не отвечал, а она продолжала:

– Вот пусть здесь и найдут мои кости у пещеры христианского отшельника. Это будет тебе похвала за то, как ты соблюдал свою славу, что согласился, чтобы женщину разорвали у твоего порога, лишь бы о тебе какой-нибудь болтун не сказал пустого слова в корчме, или на торжище, или не посмеялись бы над тобой глупые бабы, полоская белье у запруды.

Старца начало уязвлять это, но он все-таки не подавал голоса, а та еще продолжала:

– Муки и смерть моя навсегда останутся тебе укоризной. Оставляй меня на съедение зверю и будешь сам одного достоинства со зверем.

Речь эта тронула пустытника. Он слушал ее, держась рукою за подножье деревянного распятия, которое было у него в пещере во впадинке, и все сильнее и сильнее сжимал его в руках своих; но когда женщина представила в словах, как звери будут терзать ее за его частоколом, сердце старца стало смяг-

чаться состраданием, руки, ослабевая, освобожились и сам он, обращаясь понемногу лицом к двери, чрез которую у них шел разговор, сказал пришедшей:

– Окаяница! Чт за напасть ты мне несешь, и откуда ты мне навязалась?

– О, старче божий! – отвечала искусительница. – Не все ли это равно для тебя, откуда я пришла? Стыдись об этом вопрошать! «Аще богобоек и человеколюбив еси», то довольно с тебя того, что я человек, что я изнемогаю и что жизнь моя в смертной опасности; а ты можешь избавить меня от этой опасности и ничего не делаешь, да даже, кажется, еще думаешь угодить своим бесчувствием богу, который создал людей и слышит все их стоны и жалобы. О! Как ты удаляешь себя от бога! Бедственно теперешнее мое положение, но, знай, я ни за что не согласилась бы променять его на твое! Оставайся в затворе, жестокий старик! – я не хочу более отягчать мучениями твою совесть, я не хочу, чтобы люди укоряли тебя за твою жестокость. Пусть никто, кроме бога и меня, не знает, какое у тебя бессострадательное сердце, – я удаляюсь в пустыню, и

пусть звери мемя растерзают.

Пустыннику сделалось жалко ее, сердце его сжалось от представления об ожидающем ее ужасе и он воскликнул:

– Не уходи, окаяница, – так и быть, я впусти тебя.

– Ну, я благодарю бога, что он послал со страдание ко мне в твое сердце, – скромно отозвалась гетера.

– Да; но только я все-таки не введу тебя в мою пещерку, а впусти тебя только войти в огородочку.

– Все равно, – для меня будет довольно и этого: лишь бы не съели меня звери.

Пустынник вытащил из частокола две плахи и, открыв лаз, впустил гетеру, не глядя в лицо ей, и опять задвинул лаз плахами, а ей сказал, чтоб она приютилась тут в этой загородке и не просилась бы далее в самую пещеру.

Гетера согласилась и дала ему обещание более его не беспокоить до утра, но едва прошло малое время и старец стал на ночную молитву, как она начала потихоньку постукивать в его дверь тонким пальчиком, а голо-

сом нежно жаловалась, что ее одежды слишком легки, а ночь становится будто очень холодной, и вот она сильно зябнет.

Старец выбросил ей через оконце свое ветхое рубище и сказал:

– Вот тебе, окаяница, все, что у меня есть! Возьми это себе и помни, что больше теперь уже ничего для тебя нет! Укрой этим свою смрадную плоть и не мешай мне молиться.

Гетера его благодарила, и отбросив от себя прочь рубище пустычника, которое казалось ей столь же смрадным, как тому была смрадна ее плоть, – обещала быть спокойною и ничем более не нарушать его молений.

Но обещание это, разумеется, опять было неискренно, и спустя небольшое время, как только старец, начавший продолжать прерванную молитву, «устремил свой ум на высокая», беспокойная гетера опять начала к нему тихо стучаться и царапаться, напирая легким телом своим на узкую дверку его пещеры.

Старец смутился, потому что дверка, сколоченная его неискусными руками, была непрочна и во многих местах сквозилась.

– Что же еще нужно тебе, окаянница? – спросил старец.

– Ах, я ужасно претерпеваю! – отозвалась гетера. – Здесь на меня прыгают с земли аспиды! Ах, я несчастная! Это ужасно!

– Не бойся их: я помолюсь за тебя, и аспиды тебе ничего не сделают.

Но гетера горько расплакалась и говорила, что уже теперь страшно страдает, чувствуя опасный зуд от уязвлений, сделанных ей аспидами.

– Я буду молиться и об этом, – сказал старец; но она, как бы не внимая сему или не доверяя таинственной силе молитв, вскричала с болью и гневом:

– Нет, ты мне не то говоришь!.. Ты злой и гордый старик, или ты трус, над которым насмеется враг твой, дьявол, за то, что ты боишься бедной, слабой женщины и не хочешь прикоснуться своею святою рукой к моему страждущему телу и исцелить меня от укушения аспидов!

Старец ей ответил:

– Не прикоснуся! – И вложив в уши свои персты, начал качать головой и громко мо-

литься.

Но как только гетера увидела, что он заткнул уши, то она так сильно застучала в дверь, что «все всколебалось», и старец невольно обратился к ней с вопросом:

– Теперь еще чтт тебе, окаяница?

– Я слышу, как ползут огромные змеи; вот они шуршат по траве, – вот изгибаются, чтобы проникнуть меж кольев, – сейчас они меня уязвят и обольют смертоносным ядом.

– О, если бы ты, окаянная, знала, колико ты сама для меня хуже всякой змеи, но вот на тебе мой посох, – он из такого дерева, которого змеи боятся. Возьми его и положи возле себя и спи. Когда посох мой будет возле тебя, змеи от тебя удалятся.

И подумал старец, что теперь уже все опасности для ночующей в ограде женщины предотвращены, и хозяину, и гостье, обоим можно мирно уснуть, каждому на своем месте.

Он уже хотел загасить мерцавший пред ним светильник и лечь на свое жесткое, тростниковое ложе, как женщина вдруг бросилась на его дверь со страшным воплем и в

неописуемом ужасе закричала:

– О старец! Старец! Впусти меня скорее к себе! Я погибаю!

– Да что же еще тебе приключилось? – вскричал разгневанный старец.

– Ах, неужели же ты столько глух, сколь и жестокосерд, что не слышал, как страшные звери рыщут вокруг твоей огорожи!

– Я ничего особенного не слышу, – отвечал старец.

– Это оттого, что ты затворил свое сердце, и вот затворяется слух твой и скоро затворятся очи. Но отпирай мне сейчас! – вот уже один лев с палящею пастью поднялся на лапы, вот он бьет себя хвостом по бокам и уже перевесил сюда голову... О, скорей, скорей! – вот он уже трогает мое тело своим языком... Твои ветхие колья сейчас обломятся, и кости мои затрещат в его пасти...

Пустынник отодвинул трепещущею от страха рукой задвижку двери, чтоб удостовериться в том, справедливо ли сказывала ему лукавая женщина, а она не дала ему опомниться и сейчас же «впала» к нему «в его затворец», и с тем вместе и дверь за собою за-

хлопнула и вырвала из рук старца деревянный ключ и бросила за оконце...

– А-га, окаяница, так вот ты вскочила! – произнес, увидя себя обманутым, старец.

Она же посмотрела «бесстыдно» и ответила:

– Да, ты теперь в моей власти!

И затем она сейчас же села в угол и, глядя с бесстыдной улыбкой на старца, начала снимать с себя одежды одну за другою, и с страшною быстротой сняла с себя все, даже до последних покровов...

Целомудренный отшельник был так поражен этим, что не успел ничем помешать поступку своей наглой гостьи, и, увидя ее уже раздетою, всплеснул руками и бросился лицом ниц на землю, стеная и моля гетеру:

– О, жестокая! о, окаянная! О, пощади меня!.. Скройся!

Она же ему ответила:

– Что тебе до меня? Я тебя и не касаюсь! Ты во власти у бога, и обладаешь собой, а явольна над собой; мне тяжелы мои ризы, и для того я сняла их.

Пустынник ей что-то хотел отвечать, но

вдруг ощутил, что в нем побежало «адово пламя», и впало ему в мысль «повлечься» к этой женщине. И тут он одолел и себя, и ее, и любителя всякой нечистоты – дьявола. Он вскочил с земли, быстро расправил огонь в своем светильнике как можно пылче, и, вложив в пламя свою руку, начал жечь ее...

Кожа его затрещала и по пещере пополз острый смрад горящего тела.

Гетера ужаснулась и хотела вырвать у него фитиль, но он не дал и оттолкнул ее. Тогда она отошла от него и заговорила:

– Оставь это безумство! – я лучше уйду от тебя, ибо мне противно обонять запах твоего горящего тела!

Но, увы, ей выйти из пещеры было невозможно, потому что двери ее же хитростию были заперты и поневоле она и пустынный должны были ночевать вместе. И напрасно она во всю ночь молила его перестать жечь себя – пустынный оставался непреклонен и все продолжал свою муку, а сам смотрел в сторону, ибо и при терзании себя огнем он все-таки еще боялся смотреть на обнаженную соблазнительницу, а она, оцепенев от страха,

не могла собрать свои платья и оставалась нагою.

Так прошла целая ночь, и к утру рука у пустытника была вся обуглена, а гетера «окаменела от ужаса».

Когда стала заниматься заря, то по условию между гетерой и ее приятелями к пещере пришли юноши и с ними подруги этой несчастной, которая взялась соблазнить отшельника; все они были еще в пьяном загуле и приближались к пещере с виноградными гроздами и жареным мясом и мехом вина, а также с пахучими шишками смолистых деревьев, и, став у дверей частокола, заиграли на своих свирелях, но гетера им не отвечала. Тогда они поднялись и заглянули через оконце в пещеру и увидели, что отшельник продолжает жечь себя на огне, а обнаженная гетера сидит, окаменевши от ужаса.

Тут они выломали дверь и вынесли на свежий воздух свою лишившуюся чувств сообщницу, и когда она пришла в чувство, то созналась, что не могла соблазнить старца, и горько в своем намерении каялась.

Таким образом выходит, что и третья со-

блзнительница тоже не имела успеха, как и две первые, напавшие на таких людей, которые не искали любовных забав. Теперь остается четвертая, которую приходится ставить в эту группу.

21) (4) *Апреля*1. Житие преподобной Марии Египетской в первом периоде ее жизни описывает целый ряд грехопадений все против одной и той же заповеди о целомудрии. Эта, действительно, успевала в соблазне молодых людей, но как она причислена к лику святых, и притом житие ее весьма общеизвестно, то здесь никаких извлечений из него делать не будем. Но для своих систематических выводов заметим однако, что в первом периоде жизни Марии Египтянки соблазнительное поведение составляло ее профессию, так что и она тоже отнюдь не прилагала забот к тому, чтобы соблазнять людей целомудренных и удалявшихся от сближения с непостоянными женщинами, а она обращалась с беспорядочными и развратными мужчинами просто потому, что жила в таком кругу, где она иначе и не могла жить, пока ей открылось, что такая жизнь унижает человека, и она, – опять к че-

сти ее женской природы, – сама эту позорную жизнь оставила.

Соблазнительниц или прелестниц на 35 женщин, описанных в древнем, отреченном Прологе, оказывается *всего три*, и то из них одна гетера, для которой это дело было ее ремеслом. Стало быть, от нее никакой высшей нравственности невозможно и требовать; другая соблазнительница, пристававшая ночью к монаху Николе в болгарской гостинице, несовершеннолетняя девочка, была очевидно больная, всего вероятнее нервно-расстроенная, и затем, значит, в настоящей, соблазнительной роли остается *только одна*, египетская щеголиха, употребившая чары своей красоты на то, чтобы соблазнить художника, делавшего красивые женские уборы. Эта красавица из высшего круга александрийских горожанок действовала как настоящая соблазнительница из-за того, что хотела приобрести себе ценой своей красоты убор на голову... Следовательно, по рассмотрении всей этой галереи мы находим всего *только одну* соблазнительницу на тридцать пять женщин... Надо признаться, что эта доля

чрезвычайно малая, но притом и эта изящная женщина, равно как и истерическая болгарская девчонка и гетера – все в своих искательствах на мужчин не имели успеха...

После этого позволительно спросить: из чего же можно вывести, будто житийная литература представляет женщин в особенно худом виде сравнительно с мужчинами? Систематическое обозрение нашего источника не показывает оснований для такого вывода.

Продолжая наш обзор, увидим нечто еще более интересное и еще сильнее противоречащее старому поверью.

22) *Сентября 29.* «Был монах Конон – поп саном и устроен бе на крещение». Когда он крестил детей или мужчин, все дело шло у него благополучно, но когда Конону приходилось крестить взрослых женщин – ему были искушения: «егда мазаша жены – люте соблазняшесе». Как ни старался поп Конон обладать над этим искушением – оно от него не отступало, и, терзаясь таким образом при всякой новокрещеннице, поп Конон решился оставить свое соблазнительное послушание и бежать из монастыря. Он уже и привел свое намерение в исполнение, то есть вышел из монастыря и пошел куда глаза глядят, только чтоб удалиться от монастыря и никогда более не крестить взрослых женщин; но не успел Конон далеко отойти из монастыря, как ему в степи «явился Иоанн Креститель» и сказал ему: «не ходи, – я тебя облегчу от этой брани». Поп Конон поверил словам Крестителя и воротился опять к своему делу в монастырь. И некоторое время не жалел об этом. Теперь попу Конону в самом деле как будто было снос-

нее, так что он уже мог помазывать новокрещенниц без особенного для себя мучения, но вдруг от одного незначительного, по-видимому, случая все испортилось. Пришла в монастырь креститься одна молодая персиянка, и Конон ее окрестил в воде, но никак не мог помазать своими руками тело ее освященным маслом, – «бе бо толико красна лицем персияныня, яко не мощи попови помазати ногу ее». Делалось с ним что-то такое, чтт передо всеми обнаруживало в нем большое страдание, которого он ни скрыть, ни преодолеть не мог. Чтт такое именно было с Кононом и какими припадками выражалось – в древнем сказании не объяснено. Целый день мучился с этим искушением поп Конон и все-таки никак не мог помазать персиянку. О происшествии этом сообщили епископу Петру, – и епископ велел сейчас же привести персиянку к себе, но от этого сделалось не лучше, а хуже, ибо и сам епископ Петр, «увидав персиянку, удивися добродию ее и восхоте пояти ее к себе за диакона». Молодая же персиянка, хотя еще и мало была наставлена в истинах христианской веры и даже была еще не совсем

докрещена, однако она не захотела согласиться на предложение епископа Петра, – чтобы жить при нем под видом диакона, и, несмотря на все убеждения епископа, «не сотвори се-го». Так она и осталась с непомазанными ногами, потому что когда персиянку повели к епископу, поп Конон «разгневался, взял ризы своя и отъиде в горы». Теперь он уже ни за что не хотел идти назад в монастырь и миропомазывать персиянку. Но когда поп Конон, рассердясь на своего епископа, блуждал по пустыне, его опять встретил Иоанн Креститель и сказал ему: «возвратися, попе, в монастырь, уже аз облегчу тебя теперь от брани».

«Тогда Конон рече с гневом: не обращуся, многажды бо обещался облегчити ми и не сотвори».

«Ем же его Св. Иоанн посади и открь ризы его и знамением крестным перекрести и глаголя: хотел, дабы ты имел мзду брани, но понеже не хочещи, се уже сблегчих тя, но мзды уже не имаши от вещи сея».

«И возвратися в монастырь пресвитер, на утро же крестив помаза персиянку, даже яко бы не разумев яко жена есть естеством».

Внимание читателя не должно проскользнуть без замечания мимо того, что оба мужчины, то есть поп Конон и епископ Петр, страдали, и Конон даже не мог справиться с собой без особого чуда со стороны Иоанна Крестителя, а персиянка, девушка, без особых усилий охраняла себя и воздержала от падения обоих священнослужителей.[3]

23) *Апреля 29.* Некоторый монах, живший в недостаточном монастыре, был послан во время рабочей поры в мир, чтобы поработал на людей и, прокормив себя, принес бы также что-нибудь в обитель. Монах этот знал одного очень честного и доверчивого поселянина и пришел к нему предложить свои услуги. Поселянин принял его с полным доверием и, встретив надобность отлучиться из дома, оставил монаха на хозяйстве «домоглядельцем», поручив ему также свою очень молодую дочь, которая была замужем всего только один год и овдовела.

Судя по тому, в какие ранние годы выдавали тогда девочек замуж на Востоке, надо полагать что эта молодая вдовица, с которою монах остался «домоглядельцем», имела что-

нибудь около 12–13 лет, то есть, по нашим нынешним представлениям, она сама была еще почти дитя.

Оставшись с этою юницей, монах, которому было поручено охранять ее, вдруг сам начал чувствовать, что «он побеждается ею». Не сказано, как «побеждаемый» боролся, но сказано, что он сразу же стал вести себя так странно, что и победительница его стала это замечать, и победа ее над ним была ей нежелательною. Она испугалась своего положения, которое и в самом деле было небезопасно, так как она оставалась с монахом с глаза на глаз одна, и даже возле дома их не было близко соседей, которые могли бы ей подать помощь. Молодая женщина все это сообразила и поняла, что она ниоткуда не могла надеяться получить себе защиту в том случае, если «побеждаемый ею» монах совсем победится и, утратив самообладание, обратится к дерзким мерам насилия. Она не могла рассчитывать на свою силу, чтобы отразить его. А к несчастью скоро в этом оказалась надобность. Монах однажды, «пришед по обычаю, нача смущатися и к ней подвизатися». При-

ступ его был столь решителен, что молодежи казалось уже невозможно в этот раз спастись от него, но она, однако, отыскала средство к спасению. «Быв смышлена и благорассудна», молодница не стала сопротивляться иноку силой и даже не подняла никакого бесполезного шума, так как она понимала, что при всяком сопротивлении «побежденному» перевес оказался бы не на ее победной стороне, и вот она не захотела сопротивляться ему как животному, а отважилась повлиять на лучшую сторону его духовной природы, не на его взбунтовавшиеся физические силы, а на его совесть.

– О, отче! – сказала она монаху, – для чего ты так усиленно на меня нападаешь! Разве я и без того не в твоей власти! Мы с тобой вдвоем в целом доме, и я слишком слаба, чтобы тебе сопротивляться. Не загораживай же напрасно все двери и окна: я не птица и не муха и не могу отсюда ни улететь, ни выйти. Сейчас я буду вся в твоей власти, но только оставь мне покуда еще одно малое мгновение, чтобы я могла сделать то, что желаю.

Монах сказал:

– Сделай!

А она попросила, чтоб и он, «аще милосерд», сделал то же самое, чтт она будет делать.

– Что же ты хочешь сотворить? – спросил монах.

– Хочу рещи глагол некий богу, – отвечала молодлица, – а так как сие и твое дело, то потому давай оба вместе помолимся, и потом ты, помолясь богу, поступай со мной как пожелаешь.

Монах нашел, что это ему совершенно нежелательно, и не только не стал молиться, а еще более «побеждался, мятошася от брани». Тогда молодлица стала умолять его, чтоб он хоть ей дал время помолиться. На это монах согласился, и она сейчас же начала молиться и молилась вслух, выражая в словах, относимых к богу, свою беззащитность и свою покорность пред несчастьем, которое может над ней совершиться; а притом излила и свое горячее сожаление о несчастном человеке, который хочет оскорбить ее чистоту, и просила простить ему грех его; потому что он дал над собой такую власть страсти, что стал

хуже всякого животного, ибо посягает на целомудрие женщины, которая сама доверилась его защите... Монах все ее слушал – и совесть его стала пробуждаться, и, наконец, дело дошло до того, что он прослезился, и вдруг увидал, что молящуюся женщину окружают какие-то светлые духи, и он испугался и убежал от нее.

Можно подумать, что этот легендарный случай был известен Мильтону и что он вывел у него прекрасные строфы:

*Так свято пред очами неба девство,
Что если искренно душа блюдет
его заветы —
Тьмы ангелов на службу ей готовы.*

После таких юных, нежных и грациозных женских лиц, как эта молодница и персиянка, встречаем опять целомудренную и энергичную женщину степенного возраста, которая, сообразно своей житейской опытности, не только себя оберегла от соблазна, но еще дала прекрасный урок соблазнителю. Эта степенная женщина тоже обрезонивает и спасает

монаха, но совсем иным приемом.

24) *Июня*13. «Брат некий послан бысть из монастыря по службе» и, идучи дорогою, «пришел на место некое, имущее воду». Здесь ему понравилось положение, и он присел, чтоб отдохнуть и подкрепить себя пищей; но едва расположился, как заметил женщину, которая, стоя на берегу, мыла «платно». Расстояние мешало брату определить возраст и рассмотреть черты лица женщины, но тем не менее брат засмотрелся, как она моет и нагибается, и на него сейчас же «прииде брань»: брат был неопытный и не мог долго бороться; он сейчас же подошел к этой женщине близко и, не стесняясь тем, что женщина была значительно старше его, сделал ей предложение, чтоб она поделила с ним удовольствие загоревшейся в нем страсти. А женщина, надо полагать, была рассудительная и спокойная: она посмотрела на взволнованного инока безо всякого страха и отвечала ему с иронией:

– Мне нетрудно тебя послушаться, но только смотри, не пришла бы тебе после от этого скорбь?

– А какая мне может быть скорбь?

– Не стала бы тебя мучить совесть и не впал бы ты в отчаяние?

– Нет, я этого ничего не боюсь, – отвечал монах.

– Ну, смотри: многие после каются.

– Да нет, уж я себя знаю.

– Нет, ты хорошенько подумай: не стал бы ты сильно жалеть!

– Да нет же, не беспокойся: ни о чем я жалеть не буду!

– А ты сколько лет прожил уже в монастыре?

– Семнадцать.

– И неужели тебе не жаль их?

– Нимало.

– А ты знаешь, ли еще («имаши ли искус», – то есть испытал ли?), чтт есть жена?

– Нет, не знаю.

– Ну так как же ты, не зная, что есть, соглашаешься бросить за это неведомое то, в чем наставлен и чего добивался целых семнадцать лет? Ты знай, что взять женщину – это значит взять на себя большое обязательство. Я, изволь, соглашусь, на что ты манишь меня,

и пусть это будет по-твоему, но помни, что потом я от тебя не отстану, и может случиться, что тебе придется принять на себя еще и бтльшую тягость.

– Какую же еще бтльшую тягость?

– А такую, что есть ли у тебя где содержать меня и детей, и чем кормить нас?

– Нет, у меня жилья нет и кормить вас нечем.

– Так как же ты смеешь меня звать?

– Я об этом не думал.

– Ты, верно, думал, что после можешь удалиться?

– Да, я вот именно так намеревался.

– Ну, так ты очень глуп, а ты вперед знай, что женщины не для того только созданы, чтоб угашать в вас огонь вашей страсти, а что они имеют стыд и любовь к детям, и себя и своих детей оберегают и за виновником их рождения всюду готовы следовать. Осмелься-ка, тронь меня, я посмотрю, куда ты от меня денешься? Я пойду к твоему авве и скажу: авва! не давай ему ни хлеба, ни сочива и прогони его вон: я через него стала тяжелою, и не могу больше гнуться, – пусть он идет со мною

и кормит меня, и вместе со мною питает и дитя, которое имеет родиться. Авва твой тебя и выгонит, а я тогда заставлю тебя полоскать вместо меня в воде портомойню.

– Ты меня вельми просветила, – отвечал монах.

– То-то и есть. Образумься. Если ты уж посвятился в монахи, то иди скорей в свой монастырь, а не стой по таким местам, где женщины моют на речке.

Брат почувствовал себя пристыженным и, испугавшись того, чем пристрашила его прачка, возвратился бегом в монастырь и никогда больше не засматривался на женщин, ибо всегда помнил эту прачку и со встречи с нею питал опасение к решительности женских характеров.

Трогательны и способны вызывать живое сочувствие выведенные вслед за сим типы профессиональных «блудниц» и «блудниц нищеты ради уготованных».

25) *Августа 3*. В город Тир пришли раз два черноризца, и когда они проходили по уединенному месту, где притаивались городские блудницы, то одна из этих несчастных жен-

щин, по имени Порфирия, томимая голодом, бросилась к одному из братии и, рыдая, восклицала: «Отче! спаси меня, как Христос спас блудницу!» Тут же были проходящие люди и все это видели.

Черноризец знал, что тогдашние люди имели самое невысокое мнение о монашеском целомудрии и теперь, увидя его с блудницей, наверное станут смеяться над ним и осуждать его, – особенно если он исполнит просьбу блудницы и станет о ней заботиться, но с другой стороны он рассудил, – что же важнее: снести ли напрасное осуждение от толпы, или явно отвергнуть человека, который умоляет «спасти» его во имя Христово? Выбрать правильное решение, разумеется, было нетрудно, и черноризец ответил блуднице: «иди за мною» и, «взяв ее за руки, повел ее сквозь народ из города».

Тогда по всему городу и по окрестностям быстро распространилась молва, что «черноризец поял себе блудницу Порфирию», и все видели в этом большой соблазн, но ни черноризец, ни его игумен не обращали на это никакого внимания, а спасенная от позорного

промысла блудница Порфирия, отдохнув и поправясь у брата, обнаружила в себе большую сердечную доброту и нежность. Она нашла у какого-то уединенного бедного храма брошенное дитя и, исполнившись к нему жалости, взяла его и стала его воспитывать. «По лете же едином простая чадь (то есть простолюдины) из Тира» пришли для молитвенных целей в обитель, куда укрыта была Порфирия, и узнали ее, а увидав при ней годовое дитя, заговорили: «добре чернице-черничца еси породила!» Люди эти рассказали в Тире, что видели у черноризца Порфирию и при ней годового ребенка, как раз будто похожего на того брата, который взял ее и провел с собою через весь город. Черноризец слышал об этом и семь лет молчал, а в это время приемыш Порфирии вырос, а она сама сделалась монахиней. Тогда чернец, чувствуя приближение смерти, взял эту женщину и ее приемыша и пошли все трое вместе в Тир. Здесь инок собрал в одно место сто человек и велел принести полную кадьницу жарко горящих угольев, и при всех ссыпал эти пламенеющие уголья в свой стихарь. Стихарь не загорелся и

даже не чадил. Все это видели и удивлялись, а черноризец сказал: – «Вот и смотрите: в этом есть знамение, что я от рождения своего никогда не знал греха женского». Разделявшая же с ним напраслину Порфирия, прежде бывшая тирская блудница, а потом благочестивая отшельница, посвятила остаток своей жизни спасению других женщин, переносивших в Тире такое же самое унижительное положение, из которого она вырвалась при сострадании монаха, которого она никогда не склоняла к любовному сближению с собою, а хранила к нему только высокое чувство благодарности и уважения.

Другая блудница к самому падению своему приводится таким трогательным путем, какому не представляет равного никакой художественный вымысел.

26) *Апреля 8.* В Александрии жила одна очень молодая и очень красивая девушка, египтянка. Она была круглая сирота. Родители ее умерли, едва только она вышла из детства, и оставили ей хороший достаток. Девушка имела благоустроенный дом и обширный виноградный сад по скату к реке Нилу. На-

следства, которое она получила, достаточно было бы, чтоб ей прожить целую жизнь в довольстве, но молодая египтянка была чрезвычайно участлива ко всякому человеческому горю и ничего не жалела для того чтобы помочь людям, впадающим в бедствие. Через это с нею произошел следующий роковой случай.

Раз перед вечером, когда схлынул палящий египетский жар, египтянка пошла со своими служанками купаться к Нилу. Она выкупалась и, освеженная, покрывшись легким покрывалом, тихо возвращалась к себе назад через свой виноградник. Служанки ее этим временем оставались еще на реке, чтоб убрать купальные вещи.

Вечер после знойного дня был прелестный; работники, окончив свое дело, ушли и виноградник был пуст. Египтянка могла быть уверена, что она одна в своем саду, но вдруг к удивлению своему она заметила в одной куртине присутствие какого-то незнакомого ей человека. Он как будто скрывался и в то же время торопливо делал что-то у одного плодового дерева. Может быть, он рвал плоды и

оглядывался, боясь, что его поймут вертоградари.

Египтянке пришло на мысль подойти ближе к незнакомцу с тем, чтобы помочь ему скорее нарвать больше плодов и потом тихо проводить его через ход, выводивший на берег Нила, к купальне. С этой целью она и пошла к незнакомцу.

Но когда египтянка подошла ближе, то она увидела, что этот незнакомец не срывал плоды, а делал что-то совсем другое: он закреплял для чего-то шнур к суку старого дерева. Это показалось ей непонятно, и она притаилась, чтобы видеть, что будет дальше, а незнакомец сделал из шнура петлю и вложил в нее свою голову... Еще одно мгновение – и он удавился бы в этой петле, из которой слабой девушке не по силам было бы его вынуть, а пока она успела бы позвать на помощь людей – удавленник успел бы умереть... Надо было помешать этому немедленно.

Египтянка закричала: «остановись!» и, бросаясь к самоубийце, схватилась руками за петлю веревки.

Незнакомец был пожилой человек, эллин,

с печальным лицом и в печальной одежде, с неподрубленным краем. Увидав египтянку, он не столько испугался, сколько пришел в досаду и сказал ей:

– Какое несчастье! Злой демон что ли выслал тебя сюда, чтоб остановить мою решимость?

– Для чего ты хочешь умереть, когда жизнь так прекрасна? – отвечала ему египтянка.

– Может быть жизнь и прекрасна для тебя и для подобных тебе, которые живут в полном довольстве. Раньше и я находил в ней хорошее, но нынче судьба от меня отвернулась и жизнь моя составляет мне несносное бремя: ты не права, что мешаешь мне умереть. Иди отсюда своею дорогою и оставь мне возможность вылезть по моей веревке вон из этой житейской ямы, где я не хочу более терзаться между грязью и калеными угольями.

Девушка не соглашалась его оставить и сказала:

– Я не позволю тебе удавиться: я закричу – и сейчас прибегут мои люди. Лучше возьми свой шнурок под одежду и поди за мною в мой дом: расскажи мне там твою горе, и если

есть возможность облегчить его, то я это сделаю, а если оно в самом деле так беспомощно, как ты думаешь, тогда... выходи от меня со своим шнуром куда хочешь: я тебе ни в чем не помешаю, и ты еще не опоздаешь тогда повиснуть на дереве.

– Хорошо, – отвечал незнакомец, – и как мне ни тяжело медлить на земле, но ты мне кажешься такою участливою, в глазах твоих столько ума, а в голосе ласки, что я тебе хочу повиноваться. Вот уже шнур мой спрятан под моею одеждой и я готов идти за тобою.

Египтянка привела отчаянного в свой благоустроенный дом, приказала служанке подать фрукты и прохладительное питье и, усадив гостя среди мягких подушек на пышном ковре, вышла, чтобы переменить свое купальное платье на другое. Когда же она возвратилась, то села тут же рядом с гостем, а за ними стали две черные служанки и легким движением шелковых кистей начали приводить в колебание спускавшееся с потолка огромное, напитанное ароматами, опахало из больших пестрых перьев.

Египтянка желала как можно скорее

узнать горестную историю незнакомца, что он и исполнил. Рассказ его был прост и немногосложен. Покусившийся на самоубийство эллин недавно еще имел большое состояние, но потерпел неудачи в делах и до того задолжал, что не мог рассчитаться со своим займодавцем. В этом затруднении он прибегнул к его состраданию, но это было напрасно: богач соглашался оказать ему снисхождение, но не иначе, как на одном ужасном условии.

– В чем же заключается это условие? – спросила египтянка.

– Я не могу сказать тебе этого при твоих слугах.

Она велела служанкам удалиться.

– У меня есть дочь, девушка твоих лет. Она так же, как ты, стройна станом и прекрасна лицом, а о сердце ее суди как можешь по следующему. Займодавец мой, большой и безнравственный сластолюбец, сказал мне: «отдай мне твою дочь на ложе, и тогда я освобожу тебя от темницы – иначе ты задохнешься в колодке». Я оскорбился и не хотел слышать об этом. Это было мне тем более тяжело, что у моей бедной дочери есть жених. Он беден, но

имеет возвышенный ум, и дочь моя горячо любит его с самого детства; кроме того и жена моя не снесет такого бесчестья, чтобы дочь наша стала наложницей. Но беда настигает беду: представь себе новое горе: дочь моя все это узнала и сегодня сказала мне тихо:

– Отец, я все знаю... я уже не ребенок... я решила, отец... Чтобы на твою старую шею не набили колодку... Прости мне, отец... я решила...

Она зарыдала, и я вместе с нею рыдал еще больше и стал ее отговаривать, но она отвечала:

– Любовь к тебе и к матери, которая не снесет твоего унижения, во мне теперь говорит сильнее любви к моему жениху: он молод, – продолжала она, глотая бежавшие слезы, – он полюбит другую и с ней пусть узнает счастье супружеской жизни; а я... я твоя дочь... я дочь моей матери... вы меня воспитали... вы стары... Не говори мне больше ни слова, отец, потому что я твердо решила.

Притом она пригрозила, что если я буду ей противоречить, то она не станет ждать завтрашнего дня, когда заимодавец назначил

мне срок, а уйдет к нему сию же минуту.

Незнакомец отер набежавшие на лицо его слезы и кончил:

– Что еще скажу тебе дальше? Моя дочь имеет решительный нрав и нежно нас с матерью любит... Что она порешила, против того напрасно с ней спорить... Я упросил ее только подождать до завтра, и солгал ей, будто имею еще на кого-то надежду... День целый я ходил как безумный, потом возвратился домой, обнял жену и дочь и оставил их вместе, а сам взял тихонько шнурок и побежал искать уединенного места, где мог бы окончить свои страдания. Ты мне помешала, но за то облегчила горе мое своим сердобольным участием. Мне мило видеть лицо твое, прекрасное и доброе, как лицо моей дочери. Пусть благословит тебя Небо, а теперь прощай и не мешай мне: я пойду и окончу с собой. Когда я не буду в живых, дочь моя не станет бояться колдовки, которую могут набить на шею отцу, и она выйдет замуж за своего жениха, а не продаст себя, ради отца, богачу на бесчестное ложе.

Египтянка внимательно выслушала весь

рассказ незнакомца, а потом сказала, глядя ему твердо в лицо:

– Я понимаю во всем твою милую дочь – она добрая девушка.

– Тем это тяжелей для меня, – отвечал незнакомец.

– Я понимаю и это; но скажи мне – сколько ты должен займодавцу?

– О, очень много, – отвечал незнакомец и назвал очень знатную сумму.

Это равнялось всему состоянию египтянки.

– Приди ко мне завтра – я дам тебе эту сумму. Незнакомец изумился: он и радовался, и не мог верить тому, что слышит, а потом стал ей говорить, что он даже не смеет принять от нее такую великую помощь. Он напомнил ей, что долг его составляет слишком значительную сумму, и просил ее подумать, не подвергает ли она себя слишком большой жертве, которой он даже не в состоянии и обещать возвратить ей.

– Это не твое дело, – отвечала египтянка.

– Притом же, – сказал он, – припомни и то, что я из другого народа – я эллин, и другой с тобой веры.

Египтянка опустила ресницы своих длинных, как миндалины, глаз и отвечала ему:

– Я не знаю, в чем твоя вера: это касается наших жрецов; но я верю, что грязь так же марает ногу гречанки, как и ноги всякой иной, и одинаково каждую жжет уголь каленый. Не смущай меня, грек; твоя дочь покорила себе мое сердце, – иди, обними твою дочь и жену и приходи ко мне завтра.

А когда незнакомец ушел, девушка тотчас же опять взяла свое покрывало и пошла к богатому ростовщику. Она заложила ему за высокую цену все свое имущество и взятое золото отдала на другой день незнакомцу.

Через малое же время, когда прошел срок сделанного залога, ростовщик пришел с заложной и взял за себя все имущество египтянки, а она должна была оставить свой дом и виноградник и выйти в одном бедном носильном платье. Теперь у нее не было ни средств, ни приюта.

Скоро увидели ее в этом положении прежние знакомые ее родителей и стали говорить ей:

– Ты безумная девушка, и сама виновата в

том, до чего тебя довела твоя безрассудная доброта!

Она же им отвечала, что ее доброта не была безрассудна, потому что теперь она лишь одна потерпит несчастье, а без этого погибало целое семейство. Она рассказала им все о несчастье элина.

– Так ты вдвое безумна, если сделала это все для людей чужой веры!

– Да ведь не порода и вера страдали, а люди, – ответила она.

Услыхав такой ответ, знакомые почувствовали против нее еще большее раздражение.

– Ты хочешь блистать своей добротой к чужеземным пришельцам, – ну, так живи же, как знаешь! – и все предоставили ее судьбе, а судьба приготовила ей жестокое испытание.

Великодушная девушка не могла избежать тяжких бедствий по причинам, которые крылась в ее воспитании: она совсем не была подготовлена к тому, чтобы добывать себе средства своими трудами. Она имела молодость, красоту и светлый, даже пронизывающий ум и возвышенную душу, но не была обучена никакому ремеслу. Прелестное, дев-

ственное тело ее было слабо для того, чтоб исполнять грубые работы – береговые поденщицы ее отгоняли; она не могла носить ни корзины с плодами, ни кирпичи на постройки, и когда она хотела мыть белье на реке, то зола из сгоревшего нильского тростника разъедала ее нежные руки, а текучая вода производила у нее головокружение, так что она упала в воду и ее, полуживую, без чувств вытащили из Нила.

Она очутилась в отчаянном положении: в мокром платье и голодная. С ней поделилась сухою ячменною лепешкой береговая блудница, – одна из тех, которые во множестве бродили по берегу Нила, поджидая проходивших здесь вечером чужеземных матросов (навклиров); одна эта женщина поделилась с нею и на ночь своею циновкой, она же прикрыла ее и от стужи ночной своею сухою одеждой, а потом... прекрасная египтянка стала такою же, как эта, – прибрежной блудницей.

Все знавшие Азу от нее отвратились – она погибала. Иногда она приходила в свой бывший виноградник, под то самое дерево, на ветвях которого хотел удавиться избавлен-

ный ею незнакомец, и вспоминала его рассказ, и всегда находила, что не могла поступить иначе, как поступила: пусть страдает она, но другие спасены!.. Это радовало египтянку и давало ей силу терпеть ее унижение, но случались минуты слабости, когда она была близка к отчаянию и готова была броситься в Нил. Тогда она садилась над кручей на красном, как сгустелый ком крови, песчаном холме и размышляла о том: неизбежно ли так должно быть, чтобы добрый всегда был между грязью и калеными угольями?

Или будь безучастен к горю людскому, или утони в горе сам? Третий выбор – плетись между грязью и углем. Для чего же тогда нашим сердцам дано знать сострадание? Или Небо жестоко? Зачем оттуда никто не сойдет и не укажет – как людям сделать жизнь свою лучше, чтоб отверженных не было, и чтобы не было гордых, пресыщенных и нищих? О, если бы снизошел оттуда такой великий учитель! Если бы был такой человек, – как бы она хотела рыдать у его ног и во всю жизнь исполнять все, что он ей прикажет!

В таком настроении она однажды тихо

брела вдоль берега Нила, по уединенному месту, и не встречала в этот день даже буйных мореходцев. Она уже два дня не ела и чувствовала мучительный голод. В глазах у нее мутилось. Она подошла к реке и нагнулась, чтобы напиться, но сейчас же отскочила в испуге: так самой ей показалось страшно ее изуренное лицо с померкнувшим взглядом. А так недавно еще ее все называли «прекрасной».

– О, я понимаю теперь, что это значит. Я уже больше не «прекрасная», – я страшна даже самым потерянными людям!.. Голод приблизился, мучительный голод... но я не: ропщу... Я посылаю последний привет мой Небу, которое внушило мне решение любить других больше себя, и с тем умираю!

Она бросилась к реке, чтоб утонуть, и непременно бы исполнила это, но ее неожиданно кто-то удержал за плечо, и она, оглянувшись, увидала перед собой пожилого человека, скромного вида и в чужестранной одежде.

Египтянка приняла его за одного из чужестранцев, приходящих на это место с целями,

о которых ей было известно, и сказала ему:

– Оставь меня в покое: я не хочу идти сегодня с тобой.

Но чужеземец не отошел, а взглянул на нее ласково и сказал ей:

– Напрасно думаешь, сестра моя, что я был намерен сказать тебе что-либо дурное. Мне показалось, что ты в каком-то боренье с собой.

– Да; я вынимаю ноги мои из грязи и хочу ступить на горячие уголья. Это требует силы.

– Ты очень слаба.

– Я два дня не ела.

– Так ешь же скорее: со мной есть хлеб и печеная рыба.

Чужеземец поспешно перебросил из-за спины холщовую сумку и подал девушке рыбу и хлеб, и флягу воды с вином.

Египтянка стала есть, запивая глотками воды, а когда первый мучительный голод ее был утолен, она повела глазами на незнакомца и тихо сказала:

– Нехорошо, что я ем твою пищу: ты путешествуешь и тебе нужен запас для себя.

– Не беспокойся, сестра, – я могу потерпеть,

и поверь, что терпеть гораздо отрадней, чем видеть терпящих.

Египтянка вздрогнула.

– Чужестранец! – сказала она: – ты меня накормил и хорошо говоришь... но зачем ты два раза уже назвал меня своею *сестрой*? Разве не понимаешь ты, кто я такая?

– Ты такое же создание Бога, как я, и сестра мне. Какое мне дело, чем житейское горе и жестокость людей тебя теперь сделали.

Девушка вперила в него свои глаза, опять засверкавшие бывалым огнем, и вскричала:

– Ты жжешь меня своими словами: ты, быть может, посланник богов?

– Нет, я такой же, как ты, простой человек.

– Но кто научил тебя так говорить, что сердце мое горит и трепещет?

– Сядем здесь вместе, и я расскажу тебе, кто научил меня так говорить.

Несчастливая еще больше смутилась.

– Как? – сказала она: – ты хочешь сидеть со мной рядом! Тебя могут увидеть с блудницей почтенные люди, и что ты им скажешь тогда в свое оправдание?

– Я скажу им, что тот, кто всех их почтен-

нее, не гнушался такую, о какой ты вспоминаешь.

– Кто ж это был *он*?.. Я о таком не слышала... но ты о нем говоришь, и слова твои льют новую жизнь в мое сердце... Может быть, он-то и есть твой учитель?!

– Ты не ошиблась. Это *Он*– мой Учитель.

Египтянка заплакала.

– Как ты счастлив, как ты счастлив, чужеземец! Где же он, где этот небесный посланник?!

– Он с нами.

– С нами!.. со мной!.. Не смейся над бедною блудницей!.. я несчастна... Скажи мне, где он, и я побегу... я стану его умолять... быть может, и мне он даст новую жизнь!

Чужеземец сам взволновался.

– Успокойся, – сказал он: – ты ее будешь иметь – новую жизнь, – развяжись только со старой, – развяжись скорей с тем, что гнетет тебя в прошлом.

– Слушай же, кто я такая! – воскликнула с оживлением девушка и рассказала все, что с ней было, и когда повесть ее была кончена, она добавила в свое оправдание:

– Говорят, будто мне надлежало иначе размыслить, но я не могла: мое сердце тогда одолело рассудок.

– Кто кладет руку на плуг и сам озирается вспять, тот не пахарь. Не жалеи о том, как ты поступила.

Она потупила взор и сказала:

– Я не о том сожалею... но мне тягостно думать о том, что было после...

– После того, когда ты совершила святейшее дело любви, – прервал ее чужестранец: – после того, когда ты позабыла себя для спасения других... Оставь сокрушения эти!.. Когда коленное уголье жжет ноги, ноги ползут в холодную грязь, но любовь покрывает много грехов и багровые пятна белит, как волну на ягненке... Подними лицо твое вверх... Прими от меня привет христианский и знай, что *Он*, к кому душа твоя рвется, перстом на сыпучем песке твой грех написал и оставил смести его ветру.

Египтянка подняла лицо свое и плакала, а христианин глядел на нее, колени его незаметно согнулись, он поклонился ей в ноги и тихо промолвил:

– Ты была мертвая и стала живая!

Утешение свершилось, – пришла новая жизнь в смущенную душу египтянки. Христианин рассказал ей, в чем состоит учение Христово, и египтянка непременно захотела узнать: есть ли люди, которые живут по этому учению, во взаимной любви, и у которых нет ни осуждения, ни зла, ни нищеты.

– Они были, – отвечал христианин.

– Отчего же не все таковы и теперь?

– Это трудно, сестра.

– В чем же тут трудность?

– Слушай как они жили.

Христианин прочел ей на память место из *Деяний*.

«У множества уверовавших в спасительность Его учения было одно сердце и одна душа, – никто из имения своего ничего не называл своим, но все у них было общее и все, что у них было, они разделяли по нужде каждого и каждый день собирались вместе и вместе принимали пищу в веселии и простоте сердца» (Деян. IV, 32).

– Так ведь это прекрасно! – воскликнула Аза.

– Но для иных это трудно!

«Так Иоссия, прозванный от апостолов Варнавою, что значит „сын утешения“ – левит, родом из Кипра, у которого было свое поместье – продал его и принес деньги к ногам апостолов» (37).

После многих сумрачных дней лицо египтянки осветилось отрадной улыбкою: «Варнава отдал поместье, и назвали его: „сын утешения“...»

Она выше подняла лицо и сказала:

– Это вовсе нетрудно. Это только *так должно!*

– Так иди же отсюда, куда я тебя научу, и расскажи тем людям, к которым придешь, все, что ты мне рассказала.

Чужеземец назвал ей место, где сходятся христиане Александрии и кто их епископ.

Египтянка, ни минуты не медля, встала и пошла по его указанию.

Когда она пришла, ее сейчас же узнал один клирик и сказал ей:

– Красотка! Мне очень знакомо твое лицо: ты похожа на блудницу, которая часто ходила по берегу Нила.

– Я сама и есть та блудница, – отвечала египтянка, – но то уже кончено: я хочу быть христианкой.

– Ну, это не сразу: ты должна прежде очистить себя постом и раскаянием.

– Я все готова исполнить, что нужно.

Ей сказали, как надо поститься; она пошла и долго постилась, питаясь тем, что ей давали из сострадания. Наконец, она изнемогла и пришла снова с просьбой, чтобы ее крестили и приняли со всеми в общенье. Клирики сказали ей:

– Ты так мерзко жила у всех на виду, что должна принести при всех покаяние.

– Да, я затем и пришла, чтобы сказать всем, как дурна моя жизнь, но я изнемогаю и боюсь, что скоро умру. Прошу вас: скажите епископу, что я прошу скорее принять меня в общение.

Клирики сказали епископу, и тот скоро велел назначить ей катихизатора, который должен был протолковать ей символ и все догматы веры и потом удостоверить ее познания, и тогда египтянку положили крестить.

Но она этого не дождалась; нетерпеливое

желание ее получить христианское имя и жить с христианами вместе снесало ее; она жаловалась и плакала, «а все пренебрегали ею».

Тогда совершилось чудо: когда отверженная египтянка лежала больная «в малой хлевине», туда к ней среди ночи вошли «два светлые мужа» и одели ее в белые, «крестильные ризы». В них и осталось на земле ее мертвое тело, а живой дух ее отлетел в обитель живых.

Кончина египтянки, одетой в крестильные ризы, сделала затруднение клирикам: они недоумевали, по какому обряду надо похоронить эту женщину, но неожиданно пришел тот чужестранец, который говорил с усопшею у берега Нила. Он был философ и пресвитер сирийский, друг Исаака-Сирийца – он вернулся сюда с дороги по внушению духа. Он наклонился к усопшей и стал читать христианские молитвы, а пока он молился, тело ее зарыли в землю, но сириец еще долго стоял и смотрел вдаль – он что-то думал, он был в восторге и двигал устами.

Его спросили:

– Верно ты видишь чудное что-нибудь?

– Да, – отвечал он: – я вижу, как будто бы небо отверсто... и туда... кто-то входит...

– Неужто блудница?

– О, нет!.. блудницу вы закопали в грязи – я вижу... как легкая струйка с каленого угля сливается с светом – мне кажется, это восходит *дочь утешения*.

IV

Следующее женское лицо является в иной, но не менее трогательной обстановке, также ярко рисующей и общую картину нравов V века.

27) *Июня 14.* Евсевий из Аскалона рассказывал, что у них в городе был купец, имевший свои корабли, на которых он возил дорогие товары в Африку. Раз сделалось кораблекрушение, и купец этот сразу обеднел: корабли его потонули, а выкинутые на берег товары были расхищены. Тогда заимодавцы посадили этого купца в тюрьму, а его молодая и очень красивая жена ходила на поденщину и чтт успевала зарабатывать, на то приготавливала пищу и приносила ее мужу в темницу. При этих посещениях она иногда долго засиживалась с заключенным, стараясь облегчить его несносное томление. В Аскалоне же у знатных людей было обыкновение, чтобы по особливим дням ходить посещать содержащихся в тюрьмах и подавать им милостыню. Один из таких знатных людей пришел раз в темницу, когда жена разорившегося купца сидела у

своего мужа, и как только взглянул на нее, так и пленился ею. «Уязвися вельможа сердцем, видя красоту ее, бе бо по истине красна зело». Вельможа сейчас же «подосла к ней некоего странника», чтоб она подошла к нему «прияти милостыню».

Женщина, не подозревая ничего дурного со стороны вельможи, встала и подошла к нему, чтобы «приятъ его милосердие», а он стал ее спрашивать: за что она сидит в темнице? Женщина отвечала, что заключен здесь ее муж, а она только приходит посещать его и остается с ним по любви и состраданию, чтоб облегчать его участь. Тогда вельможа сказал ей прямо: «я тебе помогу: приходи нынче вечером и пробудь со мной ночь, а я завтра выкуплю твоего мужа из темницы».

Женщина не обнаружила ни гнева, ни досады и не стала устыжать вельможу за то, как он пользуется затруднениями бедности, а сказала ему:

– Я должна спросить об этом своего мужа, и как он скажет, я так и сделаю. Хочешь – я пойду и спрошу его?

Вельможа не стеснялся и ответил ей:

«Спроси».

Она подошла к мужу и передала ему с совершенною простотою предложение, сделанное ей вельможей.

Купец заплакал, и, глубоко вздохнувши, сказал:

— Да, не даром сказано: «не надейтесь на князи и сыны человеческие». Пусть простит ему бог обиду, которою он хотел нас унижить еще более, чем мы унижены. Подойди к нему и скажи, что, мы не хотим купить свободу такую ценой.

Жена подошла и в той же самой простоте передала слова мужа вельможе. Вельможа рассердился и вышел. Сидел же тут неподалеку от купца в другом углу темницы один дорожный разбойник, который все это видел и слышал. Взаимная любовь и верность супругов его тронули, и он «поману к себе жену и рече ей: аз умилихся, видя целомудрие ваше. Аз разбойник есмь и имам злато сокровенно в зидании граднем. Иди на место, имярек, раскопай и возьми злато там сокровенное на воздаяние долга мужа твоего и иные потребности ваши».

Женщина пошла и нашла золото и искупила мужа милосердием разбойника.

За сим наступает тип возвышеннейшей деликатности.

28) *Мая 30.* Блаженный отец Марк плыл однажды на корабле в Константинополь, но поднялась буря и загнала его «кораблец» к «некоторому пустынному острову». Пока корабельщики справлялись с поврежденными снастями, блаженный Марк сошел походить на безлюдный остров и к удивлению своему вдруг заметил на песке след ноги человеческой. Он пошел дальше по этому следу и вскоре увидел в отдалении человека, который впрочем был в очень странном и непонятном виде и, заметив Марка, видимо старался от него скрыться. Блаженный Марк, заинтересованный неожиданною встречей, погнался за удалявшимся жильцом необитаемого острова и скоро стал его настигать. Тогда преследуемый им дикий или полудикий человек, видя, что ему уже не скрыться от настигающего пришельца, стал перед ним «приседать», сгибаясь к земле, и что-то говорил ему неразборчивым и жалобным голосом. Блаженный

Марк, слыша этот жалкий и слабый стон или мольбы, приостановился и сказал:

– Не убегай от меня: я христианин и не намерен сделать тебе никакого зла.

А приседавший дикарь еще ниже пригнулся и отвечает:

– Я не боюсь тебя, но стыжусь, ибо я нагая женщина, а ты муж, и потому я ухожу от твоего взгляда. Если же ты милостив и хочешь со мной говорить, – то брось мне что-нибудь из твоей одежды, чтоб я могла хоть немножко закрыться, – тогда я стану к тебе лицом, и мы можем поговорить.

Блаженный Марк имел на себе в ту пору две ризы. Одну он оставил на себе, а другую свернул комком и бросил нагой женщине, а сам отворотился. Женщина подхватила одежду, покрылась ею и подошла к блаженному Марку. Они сели, и когда разговорились, то блаженный Марк узнал от нее следующее: женщина эта родилась в простом и бедном семействе и притом родители ее скоро умерли, а она осталась совершенно беспомощною сиротой. Попалась она как-то раз на глаза одному именитому и богатому человеку, кото-

рый тронулся ее положением, из жалости взял ее к себе в дом и стал воспитывать вместе со своими детьми. У него она выросла и стала красива, и обнаружила ум, и добрый характер, и этим нашла себе такое благорасположение у своего воспитателя, что он не хотел искать для своего сына лучшей жены, как эта сиротка. Молодой человек тоже любил ее и тоже не хотел себе иной невесты, но женщины-родственницы с материной стороны жениха имели непременно намерение женить «наследника всего имения» на девушке богатой и знатного рода. Это повело к большим семейным неприятностям, от которых молодой человек много страдал и, наконец, сильно заболел, но и лежа в огне болезни все одно повторял: «любб ми есть та, еже воспитал мой отец». Тогда, чтобы он не лишился жизни, – их соединили. Молодые супруги были вполне счастливы, – особенно муж, который и после свадьбы все еще повторял: «люба ми есть, еже дах мой отец!» – но мать его и ее родственницы постоянно старались сеять раздор в доме и поносили молодого человека за его любовь к жене, избранной им из бедно-

го и низкого круга. Тогда эта молодая женщина, видя, что семейные смуты в доме и страдания любимого ею мужа не прекратятся, пока ее видят в доме, – решилась пожертвовать собою и, для водворения семейного спокойствия, бежала из дома. Сначала она шла, куда глаза глядят, а потом плыла на корабле, но корабль разбило и ее выбросило на этот самый безлюдный остров, где нашел ее блаженный Марк. Здесь она испытала холод, голод и бесприютность и вдобавок ощутила в себе младенца, которого и родила, воспитала и живет с ним уже тридцатый год, не видя лица человеческого. Блаженный Марк видел и сына этой великодушной женщины: совсем нагой, он прятался в пещере, и был поражен ужасом и удивлением при виде третьего человека, притом покрытого одеждami.

Следующий очерк представляет женский тип и очень энергический, и не лишенный своеобразной иронии, напоминающей русскую княгиню Ольгу в ее деле с древлянами.

29) *Августа 14*. В одном прибрежном торговом месте жили в большой дружбе два купца: один женатый, а доугой холостой. У женатого

жена была очень красивая, а при том очень умная и целомудренная, но супружеское счастье их не было продолжительным: муж внезапно умер, а красавица-жена его осталась вдовой, и как она очень любила своего мужа, то не хотела вступать во второй брак, а желала посвятить остальную жизнь служению добрым делам. Между тем ее красота и известная скромность ее в сожителстве с первым мужем влекли к ней многих женихов, которым она всем спокойно отказывала, советуя им брать себе в жены девушек. Многих она так отводила; но явился один такой пылкий соискатель, с которым ей нелегко было разделаться. Это был тот самый искренний друг ее первого мужа, в котором она и не подозревала, что и он увлечен ее красотой, а он так «уязвился к ней страстию неисцельною, что мало не изгибе».

Тогда эта красавица, как женщина уже опытная и не раз выдавшая пред собою влюбленных, заметила томления друга своего покойного мужа и без ошибки разгадала, какого они свойства. Она признала за лучшее вывести дело начистоту и потом оказать этому

человеку помощь.

– Друже! – сказала она ему, – я вижу, что ты сам не в себе, когда говоришь со мною. Не должна ли я из этого заключить, что ты верно имеешь ко мне что-нибудь особенное, но стесняешься сказать это. Прошу тебя, не продолжай далее такого для тебя вредного, да и для меня беспокойного состояния, потому что я не хочу видеть тебя страдающим. Скажи мне, что тебе от меня надобно, и будь уверен, что я сделаю все как могу лучше, и над твоим признанием не посмеюся.

Он же, услышав такое поощрение, очень обрадовался и с откровенностью ей сказал, что пленен ее красотой, почитает известные ему ее душевные качества и желает взять ее себе в жены.

Рассудительная вдова поблагодарила его за уважение, но отвечала ему, что, испытав радости брака с мужем любимым, она уже не желает второй раз испытывать того же самого с другим человеком, ибо думает, что лучшее время жизни уже не повторится, а худшее родит только сожаленья о прежнем и не составит ни для той, ни для другой стороны

счастья. А потому она предпочитает не вступать в новый союз ни с кем, а будет жить для детей и для общественных забот, которые всегда достойны внимания и поглощают досуг с пользой для ближнего. Молодому же человеку она указывала на молодых, только дошедших до брачного возраста девушек, с которыми и советовала ему вступить в брак, ибо с такою он может жить в любви, свободной от воспоминаний о прошлом.

Но молодой человек «толико уязвися любовью ко вдовице, иже вся иные ни за что вменяя», – он не слушал никаких доводов и указаний на девушек, а нетерпеливо «припал ко вдове и молил ее быть его женой», причем он «люте истаевал», был уныл и «ко гробу склоняся, ходил неистов яко бы бесен».

Такая докучная неотвязчивость и неприятное приставание нестерпимо надоели вдовице, которая рассуждала так, что не может же она «ради влечения его исполнить все, елико он хочет»!.. И тогда, чтобы покончить с ним, она ему сказала:

– Что ты терзаешь себя и меня? Долго ли это еще будет?

Он же отвечал ей:

– Так будет до веку, пока я или ты живем на свете, потому что душа моя и сердце все стремятся к тебе, и ты напрасно говоришь мне о юных девах. Я их видя не вижу и они чужды желаниям моего сердца, а по тебе истекают все силы моего тела и мозг костей моих сворачивается. Исцели меня, уязвленного твоею красотой: стань женой моею, или я иначе умру.

– Горе мне с тобою! – отвечала вдова и, замыслив нечто в уме своем, сказала: – да не обманываешься ли еще ты, будто так меня любишь, что и жить не можешь? Неужели в самом деле для счастья твоего нет ничего драгоценнее моей взаимности?

Купец клялся в этом, а она ему отвечала как бы в недоверии:

– Остановись клясться предо мною, так как я уже не девица и страстным мужским словам не доверяю. Все вы таковы, что когда пленяетесь женщиной, то становитесь безрассудны, и в ту пору уста у вас через меру полны восхищением, но после бывает иное. Я требую от тебя доказательств, что для твоего сча-

ствия всего потребнее обладание мною и ничто иное тебя привлечь к себе не может.

Купец с радостью воскликнул:

– «О, я вельми готов, и аще мне мир весь предложат – не взгляну на него, а к тебе устремлюся».

Вдова улыбнулась и отвечала:

– Мир весь не наш, а божий, и такой великой области для искушения твоего я предложить не могу, но я поставлю тебе нечто меньшее и увидим: не устремишься ли к этому неважному, а меня, столь тебе необходимую, отринешь.

– Никогда этого не случится! – воскликнул влюбленный.

– Иди же сейчас отсюда домой, затворись в своей верхней комнате, выкинь мне ключ в окно и оставайся там, пока я пришлю за тобой. Обещаешь ли мне это исполнить?

– О, что говорить о таких пустяках!

– Хорошо, и если потом твое стремление будет все то же, то я даю тебе слово, что перестану вспоминать об умершем муже и отдам себя в твое угождение. Теперь, с этой минуты, все, чему быть и чему не быть, – от тебя зави-

сит.

Купец побежал домой весело, потому что почитал свое дело выигранным. Он взошел в дом свой и веселою рукой затворился у себя в верхней горнице, а ключ выбросил в окно и велел отнести его вдове в доказательство, что он свой урок уже начал. Вдова же приняла ключ, но ничего больше жениху не заказала.

Купец пробыл в горнице день, провожая часы ожиданья в любовцых мечтаниях и ожидая, в чем будет дальше его испытание; но сутки прошли, а вдова ни о чем новом ему не сообщала. На другой день он опять думал о вдове, но вспомнил также несколько раз и о своем желудке, который был пуст и требовал пищи, а на третий день голод стал так напоминать ему о себе, что купец не обращался в сладких мечтах ко вдове, а гневался на нее и все думал о пище, а в ночи он не мог спать, потому что и сон его наполнялся уже не видениями обольстительной вдовы, а запахом яств. Утро же четвертого дня купец встретил в мучительных болях желудка и послал преданного ему человека ко вдове спросить: не забыла ли она о нем? Вдова отвечала, что она

не забыла.

– Но он умирает! – сказал ей посланец.

– Не пугай меня этим! – отвечала вдова сквозь улыбку: – до смерти еще далеко. Но, впрочем, я не хочу томить его дольше. Пусть он теперь одевается в гостиное платье, я за ним скоро пришлю и он получит все, чего пожелает.

В предобеденный же час в дом купца пришла доверенная. от вдовы и, имея ключ от жениховой двери, открыла ее и сказала:

– Радуйся, господин! ты вполне сдержал свое обещание, иди же теперь к моей госпоже: она тебя ожидает, и, со своей стороны, свое обещание сдержит.

Но купец, одетый в гостиное платье, смотрел на посланницу впавшими глазами и уныло, слабым голосом, отвечал, что готов за ней следовать. Он был так изнурен, что надо было позвать людей, которые взяли его под руки и помогли ему идти.

Вдова встретила гостя в дверях своего жилища. Она была во всем блеске своей красоты, ибо и она тоже сменила одежду вдовства и надела легкотканную одежду, державшую-

ся на ее плечах самоцветными стяжками и открывавшую шею и руки, с которых несло благоухание амбры.

Приняв входившего гостя под руки, вдова ввела его в большую горницу, которая была разделена надвое повешенным на кольцах ковром. В одной половине, ближайшей ко входу, был накрыт стол, установленный прозрачными кувшинами с искрометным питьем и блюдами, из которых одно было покрыто; а на другой половине возвышалось пышное ложе с двойным изголовьем.

– Ты теперь господин в моем доме, – сказала вдова, – и я тебе повинуюсь. Вот здесь трапеза, здесь ложе. Избирай, что ты хочешь; я готова разделить с тобой то и другое.

Купец же отвечал ей:

– Ах, помилуй меня, «аз вельми истощах, дай мне вперед насытиться»! – и он потянулся к столу и возлег, озирая посуду.

– Мы имеем достаточно время, так как яства в приспешне еще не успели, – сказала вдова.

– А это здесь что же покрыто на блюде?

– Это пшено, – оно безвкусно, пока к нему

не поспеет облива.

– Мне все теперь вкусно, – воскликнул купец и, открыв блюдо, стал насыщаться пшеном, без обливывы, а вдова сказала ему:

– Вот ты теперь видишь: потреба потребе есть рознь; без одного жить человеку нельзя, а без другого жить можно! – и с этим она велела подавать кушанья и опустила ковер, который навсегда закрыл от купца ее ложе.

30) *Апреля 5.* Стремясь возвышаться над силой страстей, женщины Пролога представляют еще один такой высокий характер, которому удачи и безмятежное счастье были даже в тягость.

Один из александрийских отцов увидел раз женщину, которая чрезвычайно усердно молилась и при том горько плакала. Это его тронуло и он спросил молившуюся: какое у нее горе? Она же отвечала ему: «ах, я очень счастлива, и у меня нет никакого горя, но я живу среди людей и вижу много огорченных, и теперь молю бога, чтоб он отделил на мою долю часть их страдания, дабы я не пристрастилась к здешней жизни». Александрийский отец подивился этой благоразумной женщи-

не, которая лучше многих знала, в чем заключается высшая опасность для человека.

Этим оканчивается группа женских лиц, которые то удивляют мужчин высотой своих порывов, то исправляют их, отвлекая от чувственной грубости, то прямо спасают людей с полным самоотвержением и потом без малейшего ропота сами несут отвержение, нищету и всевозможные унижения. В таком са-не превосходной чистоты мы насчитываем по Прологу *девять* женщин.

Систематическая схема наша являет нам теперь такую пропорцию: из 35 женщин, составляющих целую треть лиц, представляющих интерес в повествовательном роде, 17 не соблазняли мужчин, а пострадали от их соблазнов и насилий; 4 соблазняли – одна с успехом, а три без успеха, причем из них без успеха остались: одна светская дама из Александрии, одна гетера, нанятая знатными богачами, и одна припадочная болгарская девчонка. Успевала в своих намерениях только Мария из Египта, но и она, впрочем, держала себя как простая «блудница», какою она была до возвышенного поворота во второй половине ее жизни. Девять же не только останавливали мужчин от их грубых страстей, но даже научили их обуздывать свою природу и жить для более возвышенных целей.

В дурном виде Пролог представляет только двух женщин, из которых одна обнаруживает жестокое сердце, омраченное страстью к мужчине, а история другой так мало понятна, что ее, следуя определению Феофана Прок-

повича, очевидно, остается только отнести к разряду «пустых басен».

31) *Марта 19*. Молодая вдова, по имени Мария, имея двух маленьких детей, влюбилась в одного «воина» и захотела выйти за него замуж. Воин же, хотя и был близок к ней, но не хотел брать ее в замужество. Он нагло выставлял на вид свой эгоизм и отказывался тем, что не желает «пецися о детях первого мужа». Тогда влюбленная Мария, под наитием страсти, «заколола обоих детей и послала весть воину, что у нее уже нет детей». Воин, когда получил эту «весть», тотчас же догадался, в чем дело, и поправился на другой лад: он «покаялся не брать дето убийцы». Он остался прав, а женщина погибла. Случаи в этом роде, с замечательным тождеством мотивов и частностей, повторяются в изобилии даже и до сего дня.

32) *Мая 5*. Одна «постница» тщательно берегла себя: она много постилась и молилась, и избегала всякого сообщества мирских людей, а держалась только с клириками, но и тут по неосторожности сблизилась с одним певчим, который, по сказанию, сам не был ни

в чем повинен перед ней, а она сама «растлилась и зачала». Увидев такое серьезное и, как видно, нежеланное последствие от своего сближения, постница опять обратилась к богу и начала пламенно молиться, «чтобы зачатое ею в беззаконии *родилось мертво*», и это так и случилось.

Два эти сейчас приведенные случаи (31 и 32) представляют самое худшее, что есть в ряду всех историй с женщинами, описанными в Прологе; но если и на эти два самые худшие «прилога» смотреть беспристрастно, что от критики безусловно и требуется, то нельзя не видеть, что обе здесь представленные женщины тоже отнюдь не являют собою особенного коварства к погублению мужчин, а напротив, они по своему безрассудству и страстности губят только себя и своих детей.

Следует также заметить и то, что у всех прологовых женщин высшего настроения, при большой примитивности их приемов, постоянно видна ясность в их целях и отчетливость в действиях, чего нет в описаниях, изображающих мужчин, желавших исправлять женщин. У женщин (кроме двух детоубийц)

совсем нет грубости, а у мужчин без нее не обходится никакое дело.

33) Некто Виталий из Каира послужил при келье старца Спиридона шестьдесят лет и ушел в Александрию, потому что не захотел более аскетической славы, а «нача жить на соблазн», то есть юродовать. Самое соблазнительное в юродстве этого старика, которому не могло быть менее как лет семьдесят, было то, что Виталий всякую ночь шел туда, где собирались блудницы. Он это затеял, как ниже увидим, не с дурною, а с доброю целью, и это ему стоило немало хлопот и трудов, ибо для такого рода жизни нужно было постоянно иметь с собой изрядные деньги. Виталий и старался доставать нужные ему средства: он вставал рано утром, выходил на поденщину и целый день работал, получая серебрянник за день, а пошабашив, тотчас же нес этот серебрянник в блудный дом, нанимал себе за эту цену блудницу, и когда оставался с нею наедине, то передавал ей серебрянник и говорил: «вот, дочь моя, я за эту монету целый день проработал, а ты теперь возьми ее себе и целую ночь за нее проспи спокойно».

Женщина, которой Виталий, таким образом, покупал возможность спокойно провести ночь, ложилась и спала, а Виталий становился там же возле нее, как возле ребенка, и не смущаясь ни ее присутствием, ни тем, что достигало до его слуха из-за утлых перегородок и завес переполненного буйными гостями блудилища, возносил в молитвах за мир дух свой к богу, а утром опять поспевал на работу. И так юродивый Виталий делал всякий день, причем он всегда упрашивал бывших с ним женщин, чтоб они никому не рассказывали, как он с ними обходится, а говорили бы, что он точно такой же блудник, как и все другие, вхожие в их жилище. Многие женщины так и говорили, и тайна Виталия долго оставалась неизвестною: но вдруг одна из женщин рассказала, что она любит Виталия за то, что он, оставаясь с нею, не беспокоит ее, а только молится во всю ночь. Другие же женщины оспаривали эту свою подругу и говорили, как научил их Виталий, то есть, что он бывает у них за тем же самым, за чем и все прочие их посещающие мужчины.

Услыхал об этом споре Виталии и огорчил-

ся, что одна женщина выдала тайну его юродства, – тогда он «помолился и женщина взбесилась». Это отвечало дальнейшим целям юродивого Виталия, потому что слова «бешеной» уже не пользовались ничьим доверием, а он хотел, чтоб о добродетели его не знали, а считали бы его блудником.

Так целая группа открыто промышлявших собой блудниц оберегали тайну юродивого, оказывавшего им трогательное участие.

34 и 35) В заключение видим сразу двух женщин: мать и дочь – в ужасном положении. У одной матери было двое детей, – сын и дочь. Сын не захотел работать для поддержания жизни матери и сестры, а покинул их и ушел в монахи. Он постригся и стал жить в монастыре очень строго. Старуха же осталась на руках одинокой дочери, которая никак не могла честным трудом заработать столько, чтобы прокормить и одеть себя и старуху. «От нищеты она поползнула и впала в напасть в ограждении баннем» (то есть на банном дворе). В стране той, где это было, женщин строго карали за распутство, и эту девушку «взял князь» и «по закону хотяше убить ю».

По строгости такого решения надо думать, что «напасть во ограждении баннем» заключалась в каком-нибудь особенном развратном деянии, за которое «по закону» полагалось убивать для устрашения других. Такие случаи бывали, но рассказывать о них неудобно. Мать осужденной на смерть девушки пришла к князю и просила его не казнить ее дочь, потому что после этого не будет кому напоить ее, старуху, водой. А если уже дочь за ее беззаконие нельзя помиловать, то старуха умоляла князя, чтобы повелел и ее саму тоже убить одновременно вместе с дочерью. Князь спросил:

– Разве у тебя нет больше детей?

– У меня есть сын, – отвечала старуха, – но он монах и не живет с нами.

– Пусть придет ко мне этот монах и поговорит о сестре, – сказал князь.

Старуха отправилась в монастырь к сыну, но она потрудилась напрасно: монах не пошел к князю говорить о сестре, а сказал еще:

– «Веру ими ми, матери, аще и тебя побьют с нею – аз и о том орудия не имам. Умрох бо миру».

Старуха пересказала это князю, и князь помиловал дочь старухи без разговора с монахом.

Этими тридцатью пятью женскими лицами представлено полное обозрение женских типов Пролога, как древнего житийного источника, отреченного церковною критикой, но до сих пор уважаемого русским простонародием. Держась самой сжатой краткости, мы имели целью показать, что в этом житийном сборнике женщины представлены отнюдь не так дурно, как это думают и утверждают люди, не потрудившиеся обозреть подобные сборники обстоятельно и беспристрастно. Если мы этого хоть мало достигли, то весьма тому радуемся.

Впервые опубликовано – журнал «Русское обозрение», 1892.

Примечания

Обозрение это составлено по *древле-печатному, переводному* Прологу, редакция которого не соответствует тому, который издается после Петра Великого. *Древле-печатный, переводной* Пролог, содержащий в себе приводимые здесь «прилоги», не входит в круг церковных книг и не только не пользуется церковным авторитетом, но представляет книгу «отреченную», и сказанья его, по выражению Феофана Прокоповича, относятся к разряду «пустых, и смеху достойных басен». Интерес, им представляемый, есть собственно интерес литературный и исторический.

[^^^]

2

Нельзя не подивиться, как это сказание могло оставаться до сих пор незамеченным теми, которые держатся буквального понимания слов: «отсеки и брось»!

[^^^]

В те времена, к которым относится рассказ, крестильные обязанности соединены были для крещающего с довольно значительными трудами. В знаменитом «Учении двенадцати апостолов», открытом Бриением, встречаем следующее (см. перевод журнала *Детская Помощь*, М., 1885 г., № 8): «Что касается до омовения (по киевскому переводу „крещения“), то омывайте (киевск. „крестите“) так: наперед скажите тому, кого вы омываете, все, что тут сказано (о пути жизни и о пути смерти), и *потом омывайте* во имя Отца и Сына и Св. Духа, в воде проточной. Если же не имеешь проточной воды, то омывай в другой воде; если нет ни той, ни другой, то облей три раза водой голову. Пред омовением же пусть постится *тот, которого будут омывать, и тот, который будет омывать, и другие, если могут*. «Поп, учрежденный на крещение», прежде чем омывать крещаемую, имел обязанность поститься с ней и внушать ей: «берегись телесных и мирских побуждений, не прелюбодействуй, не распутничай, не умерщвляй

младенца в утробе и рожденного не убивай, не сквернословь, не скверномысли и не озирайся на то, чего тебе не надо видеть; – это ведет к распутству» (стр. 426).

[^^^]